

Межрегиональное общественное объединение «Команда против
ПЫТОК»

**Запрещенные методы психологического воздействия:
анализ российского и международного права**

2022

Оглавление

Введение	3
Понятие и элементы психологической пытки в международном праве.	5
Ситуации, которые могут подпадать под определение психологических пыток в международном праве.....	9
Общие принципы доказывания психологических пыток в международном праве.	11
Понятие психологической пытки в российском законодательстве и анализ ее элементов на основе судебной практики.	17
Заключение	24

Введение

Классические методы пыток и иных форм жестокого обращения предполагают воздействие на разум и эмоциональное состояние жертвы через причинение реальной физической боли или физического вреда ее телу. Наиболее известными физическими методами пыток являются избиения, удары по ступням, удары электрическим током, «палестинское подвешивание», «конверт», «ласточка», изнасилование и другие. И хотя пытки запрещены международно-правовыми актами универсального и регионального характера, государства в лице своих агентов все еще продолжают применять пытки, чтобы получить требуемые сведения, терроризировать, наказать, оказать давление или запугать.

В последние годы все чаще и чаще поднимается тема психологических пыток. Из рассекреченных юридических документов в 2009 г. в США стало ясно, что широкомасштабный характер приобрели ситуации незаконного содержания под стражей и применение к задержанным специальных техник допроса в ходе «Глобальной войны против терроризма¹». Используемые методы включали помимо прочего угрозы причинения вреда детям, угрозы сексуального насилия, причинения вреда жизни и здоровью родителей заключенных, заключение в маленькие ящики похожие на гроб и другие запрещенные методы. Хотя правомерность таких методов обсуждалась в Верховном суде США, и впоследствии они были запрещены, изначально, по-видимому, их использование велось при поддержке общественного мнения и правовых обоснований². Действительно, государства все еще заинтересованы в том, чтобы вывести различные методы допроса в так называемую «серую зону», которая бы не охватывалась правовыми актами и, таким образом, их использование не влекло бы никакой юридической ответственности. Даже сейчас, как видно из доклада специального докладчика по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных и унижающих достоинство видах обращения и наказания в 2020 г. (далее - Спецдокладчик), многие государства выделяют значительные ресурсы на разработку методов пыток, которые могут достигать таких целей, как принуждение, запугивание, наказание, унижение или дискриминация, не причиняя легко выявляемых физических повреждений и не оставляя физических следов³.

Строго говоря настоящее исследование охватывает случаи применения методов психологического воздействия, которые могут рассматриваться как запрещенные. В настоящее время исследований по теме психологических пыток недостаточно. Что касается российской правовой системы, вопросы вызывает само определение психологической пытки в национальном праве и его применение на практике. Определенные трудности вызывают вопросы доказывания случаев психологических пыток. Практика международных органов в этой связи является более разнообразной и может послужить ориентиром для национального права. В международном праве также рассматриваются вопросы о применении психологически жестокого обращения в

---

¹ Термин, используемый для обозначения политики США по борьбе с международным терроризмом после террористических актов 11 сентября 2001 г.

² The Torture Archive // National Security Archive. URL: <https://nsarchive.gwu.edu/project/torture-archive>

³ Доклад специального докладчика по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания от 20 марта 2020 г., пар. 11.

ситуациях, которые, на первый взгляд, не демонстрируют явных условий для этого. Соответствующие примеры помимо устрашения, запугивания в целях получения информации включают обыски в жилище и задержания, произвольные уголовные наказания, одиночное заключение и содержание *incommunicado*, а также случаи, когда страдание испытывает родственник жертвы серьезного нарушения прав человека. Наконец, физическое и психологическое насилие часто сочетаются между собой, и в таком случае зачастую приоритет отдается первому, в то время как второе остается без должного внимания.

В рамках исследования были проанализированы российское законодательство и судебная практика, практика Европейского Суда по правам человека и договорных органов ООН, поставлены вопросы о том, как доказать психологическую пытку и о том, насколько широким является понятие психологической пытки в принципе.

Материалы исследования могут быть использованы правозащитниками, практикующими юристами в области прав человека, адвокатами, исследователями, журналистами, изучающими вопрос правоприменительной практики в стране и мире, работниками государственных органов и органов государственной власти, а также иными заинтересованными лицами.

Понятие и элементы психологической пытки в международном праве.

Региональные и универсальные международные договоры содержат абсолютный запрет на пытки и иные виды жестокого обращения. Пытки запрещаются ст. 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Европейская конвенция), ст. 5 (2) Американской конвенции о правах человека, ст. 5 Африканской хартии прав человека и народов, ст. 7 Международного пакта о гражданских и политических правах (далее - Пакт), Конвенцией против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (далее – Конвенция против пыток) и другими международными договорами. Однако ни один из перечисленных международных договоров не закрепляет понятие психологической пытки⁴.

Общепринятое понятие пыток закреплено в ст. 1 Конвенции против пыток 1984 г., которая гласит:

«пытка» означает любое действие, которым какому-либо лицу умышленно причиняется сильная боль или страдание, физическое или нравственное, чтобы получить от него или от третьего лица сведения или признания, наказать его за действие, которое совершило оно или третье лицо или в совершении которого оно подозревается, а также запугать или принудить его или третье лицо, или по любой причине, основанной на дискриминации любого характера, когда такая боль или страдание причиняются государственным должностным лицом или иным лицом, выступающим в официальном качестве, или по их подстрекательству, или с их ведома или молчаливого согласия. В это определение не включаются боль или страдания, которые возникают лишь в результате законных санкций, неотделимы от этих санкций или вызываются ими случайно».

Таким образом, акт будет считаться пыткой, если в нем присутствуют 4 обязательных элемента:

- ✓ Действие, причиняющее боль или страдание;
- ✓ Вовлеченность должностного лица;
- ✓ Специальная цель;
- ✓ Неправомерность действий.

Для психологической пытки ключевым элементом являются действия агента властей, причиняющие лицу боль или страдание, так как Конвенция против пыток разграничивает физическую и нравственную боль или страдание. Таким образом, именно нравственная боль или страдание является наиболее явным признаком психологической пытки. Для удобства в настоящем исследовании применительно к нравственной боли и страданиям будут также использоваться термины «ментальные», «психологические», «психические» боль и страдание.

Не все акты жестокого обращения в принципе подпадают под определение психологической пытки. Они могут представлять собой иные формы жестокого

---

⁴ Однако см. ст. 2 Межамериканской конвенции о предотвращении пыток и наказании за их применение (вступила в силу 28 февраля 1987 г.), где приведено понятие пытки.

обращения, в какой-то степени менее жестокие по своему характеру и интенсивности. Однако квалификация того или иного обращения как пытки, бесчеловечного обращения или наказания, унижающего достоинство обращения или наказания будет зависеть от обстоятельств конкретного дела.

До принятия Конвенции против пыток международные органы предпринимали попытки дать понятие психологической пытке. С начала деятельности в 1959 г. и до начала 80-х гг. XX века Европейский Суд по правам человека (далее – ЕСПЧ) касался вопроса психологических пыток наиболее часто. Европейская комиссия по правам человека (далее - Комиссия)⁵ под «нефизической пыткой» понимала причинение нравственных страданий путем создания боли и стресса с помощью средств иных, чем физическое насилие⁶. Хотя в дальнейшей практике ЕСПЧ понятие «нефизическая пытка» почти никогда не использовалось, как Комиссия, так и ЕСПЧ подчеркивали, что ст. 3 Европейской конвенции не ограничена лишь действиями, причиняющими физические страдания⁷. Более того, ЕСПЧ установил, что обращение считается запрещенным, если оно соответствует минимальному порогу тяжести, который зависит от всех обстоятельств дела: возраст, пол и состояние здоровья жертвы⁸. Как мы увидим из примеров далее, требование о соблюдении минимального порога в равной степени применимо к физическим и к нравственным страданиям жертвы.

В отличие от ЕСПЧ Комитет по правам человека ООН (далее – КПЧ ООН) уже в 1983 г. признал обращение психологической пыткой. В указанный период этот международный орган рассмотрел несколько индивидуальных сообщений против Уругвая и Заира. В деле *Miguel Angel Estrella v. Uruguay* КПЧ ООН указал, что угроза отрезания рук электропилой была психологической пыткой, учитывая также, что такое обращение имело для рук и кистей автора индивидуального сообщения (пианиста) серьезные последствия⁹.

Практика КПЧ ООН также расширила круг лиц, которые могли считаться жертвами психологических пыток. В деле *Quinteros v. Uruguay* из-за страданий и стресса матери, вызванными исчезновением ее дочери Елены, задержанной уругвайскими силами безопасности, и неопределенности ее судьбы, было установлено нарушение прав матери в соответствии со ст. 7 Пакта, в то время как она утверждала, что подверглась психологической пытке¹⁰. В этом деле КПЧ впервые установил, что нравственные страдания родственников жертв в случае их насильственного

---

⁵ Европейская комиссия по правам человека – орган, учрежденный в соответствии с Конвенцией и до 1998 г. рассматривавший индивидуальные жалобы на нарушение прав, гарантируемых Европейской конвенцией.

⁶ *Denmark, Norway, Sweden and the Netherlands v. Greece* (Greek case), nos. 3321/67 and 3 others, Commission report of 5 November 1969, Yearbook 12, pp. 461-465.

⁷ *East African Asians v. the United Kingdom*, nos. 4403/70 and 30 others, Commission report of 14 December 1973, §§ 190-191.

⁸ *Ireland v. the United Kingdom*, 18 January 1978, § 162, Series A no. 25.

⁹ *Miguel Angel Estrella v. Uruguay*, no. 74/1980, §§ 1.6, 8.3, 10, HRC 1983.

¹⁰ *Quinteros v. Uruguay*, no. 107/91, §§ 1.9, 14, HRC 1983.

исчезновения могут представлять самостоятельное нарушение прав человека. Подход КПЧ в деле *Quinteros* с течением времени восприняли и другие международные органы.

После принятия Конвенции против пыток 1984 г. развитие концепции психологических пыток продолжилось. КПЧ ООН по правам человека в 1989 г. установил, что авторы индивидуального сообщения подверглись жестокому и бесчеловечному обращению в нарушение ст. 7 Пакта, так как уведомления о приостановлении смертной казни, к которой они были приговорены, были доведены до них лишь за 45 минут до ее начала (с задержкой почти на 20 часов)¹¹. Впоследствии запрет на жестокое обращение, установленный ст. 7 Пакта, был в принципе истолкован как обеспечивающий психическую неприкосновенность лица и запрещающий акты, причиняющие психические страдания¹².

В 1987 г. была принята Межамериканская конвенция о предотвращении пыток и наказании за их применение, 1987 г., ст. 2 которой устанавливает, что ...пыткой также считается применение к какому-либо лицу методов воздействия, направленных на разрушение личности жертвы или на снижение ее физических или умственных способностей, **даже если такие методы не причиняют физической боли или психических страданий**. Межамериканский Суд по правам человека (далее - МАСПЧ), в свою очередь, рассмотрел понятие психологической пытки. В деле *Maritza Urrutia v. Guatemala* он охарактеризовал «психологическую» пытку как умышленные действия в отношении жертвы, чтобы исключить ее или его психологическое сопротивление и заставить обвинить себя или признаться в определенных преступных действиях, или подвергнуть иным наказаниям, в дополнение к самому лишению свободы¹³. По его мнению, заявительница подверглась психологической пытке, так как ее 8 дней удерживали представители сил безопасности Гватемалы без возможности связи с внешним миром, угрожая убить ее малолетнего сына, если она не предоставит необходимые сведения и публично не откажется от своих политических убеждений.

В отличие от других международных судов и органов в практике ЕСПЧ, несмотря на существенное развитие практики, до сих пор нет дела, обстоятельства которого были бы охарактеризованы как «психологическая пытка».

Наиболее полный доклад о психологических пытках был подготовлен в 2020 г. Специальным докладчиком. Он охарактеризовал **психологическую пытку как методы, приемы и обстоятельства, которые предназначены или задуманы для целенаправленного причинения сильной психической боли или страданий без**

---

¹¹ Pratt and Morgan v. Jamaica, nos. 210/1986 and 225/1987, § 13.7, HRC 1989.

¹² Замечание общего порядка № 20 - Статья 7 (запрещение пыток или жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания) [Электронный ресурс]: принято Комитетом по правам человека ООН. 1992. Сорок четвертая сессия. §§ 2 and 5. URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=INT%2fCCPR%2fGEC%2f6621&Lang=ru

¹³ Maritza Urrutia v. Guatemala. 27 November 2003. §§ 92-94. Series C no. 103.

использования канала или воздействия сильной физической боли или страданий¹⁴. Из этого понятия предлагается **исключить** некоторые виды жестокого обращения – пытку «без следов» и пытку «без прикосновений».

✓ *Пытки «без следов»* (имитация утопления, удушение пакетами, долгое сидение на корточках или стояние в неудобных позах) как направленные на причинение физической боли и редко приводящие к фактическим телесным повреждениям.

✓ *Пытки «без прикосновений»* (раздражение, вызванное громким шумом, запахами, лишением сна, пищи, ярким светом, провоцирование или задержка дефекации или мочеиспускания) как способные причинять физическую боль.

Примеры пыток «без прикосновений» будут обсуждаться в настоящем обзоре, так как они по большей части воздействуют на чувства и эмоции жертвы, тогда как ее или его тело может иметь ограниченный контакт или не иметь такового с тем, кто применяет запрещенные методы.

Кроме того, при определении психологической пытки можно отталкиваться от *методов* психологического воздействия (лишение сна, полная сенсорная депривация или применение пыток к лицу на глазах членов семьи¹⁵) или от его *последствий* (например, депрессия, тревожность, другие фобические расстройства). Толкование психологической пытки международными органами предполагает, скорее, методы запрещенного психологического воздействия, хотя и не исключают психологических последствий жестокого обращения. Практика Комитета против пыток ООН (далее – КПП ООН) свидетельствует о том, что пытка сама по себе не требует обязательного наличия телесных повреждений и не может быть сведена исключительно к их последствиям¹⁶. Так в рамках уже упоминавшейся программы под названием «усовершенствованные техники допроса» на территории США, а также европейских стран лица, подозреваемые в причастности к терактам 11 сентября 2001 г., подвергались специальным техникам допроса - например, инсценировке смертной казни и угрозам задержания и жестокого обращения с членами семьи¹⁷, содержанию *incommunicado*¹⁸.

Запрещенное психологическое воздействие в равной степени опасно, как и физическое. Вопреки международным стандартам во многих национальных правовых системах психологическая пытка до сих пор остается «легкой» формой воздействия и достаточно редко приводит к наказанию того, кто ее применяет.

---

¹⁴ Пытки и другие жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения и наказания: доклад Специального докладчика [Электронный ресурс]: 20 Mar. 2020. A/HRC/43/49. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/3870734?ln=ru>

¹⁵ [10] Reyes, H. (2007). The worst scars are in the mind: Psychological torture. *International Review of the Red Cross*, 89(867), 591-617.

¹⁶ Conclusions and recommendations of the Committee Against Torture: United States of America [Электронный ресурс]: 25 Jul. 2006. CAT/C/USA/CO/2. § 13. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G06/432/27/pdf/G0643227.pdf?OpenElement>

¹⁷ *Al Nashiri v. Poland*, no. 28761/11, § 511, 24 July 2014.

¹⁸ *EI-Masri v. the former Yugoslav Republic of Macedonia* [GC], no. 39630/09, § 203, ECHR 2012.

Ситуации, которые могут подпадать под определение психологических пыток в международном праве.

В практике международных органов методы запрещенного психологического воздействия часто применяются наряду с физическим воздействием. Ниже представлены некоторые ситуации, которые могут рассматриваться как психологически жестокое обращение. Этот список не является исчерпывающим, так как практика активно продолжает развиваться.

Угроза физической пыткой: угроза физической пыткой специально обученным человеком под наблюдением врача¹⁹, имитация отрезания рук электропилой.

Угроза жестокого обращения членам семьи жертвы: угроза казнить членов семьи или заключить их в тюрьму, угроза присутствия при пытках членов семьи или друзей²⁰.

Угроза принудительного медицинского вмешательства в тело человека: угроза использования шприца, зараженного СПИДом/ВИЧ²¹.

Сексуальное насилие: изнасилование агентами властей²².

Присутствие при жестоком обращении с другими лицами: нервный срыв у жертвы, слышавшей крики лиц, подвергнутых пыткам²³, избивение родственников жертвы на ее глазах²⁴.

Чрезмерное развертывание спецоперации по обыску в жилище или задержанию: обыск в жилище и задержание лица с применением силы на глазах у членов семьи без учета характера преступления, ранним утром, вооруженными лицами в масках²⁵, избивение не оказывающего сопротивления отца на глазах у его малолетней дочери²⁶. В таких случаях особую роль играет уязвимость жертвы, например, молодой/пожилой возраст, сопутствующие болезни, беременность и т.д.

Унижение: оскорбление, в том числе с использованием брани, втирание головой в собственную рвоту²⁷, неоправданное раздевание до нижнего белья²⁸.

Вмешательство в семейную жизнь: оставление годовалого ребенка политической заключенной в тюрьме среди преступников и заключение его матери в одиночную камеру²⁹, оставление малолетнего без присмотра после того, как его родители были

---

¹⁹ Gäfgen v. Germany [GC], no. 22978/05, § 108, ECHR 2010, Campbell and Cosans v. the United Kingdom, 25 February 1982, § 26, Series A no. 48

²⁰ Greek case, cited above, pp. 461-465.

²¹ Selmouni v. France [GC], no. 25803/94, § 24, 82, ECHR 1999-V

²² Maslova and Nalbandov v. Russia, no. 839/02, § 107, 24 January 2008

²³ Greek case, cited above, pp. 461-465.

²⁴ Iljina and Sarulienė v. Lithuania, no. 32293/05, § 47, 15 March 2011, A v. Russia, no. 37735/09, § 67, 12 November 2019

²⁵ Gutsanovi v. Bulgaria, no. 34529/10, § 132, ECHR 2013 (extracts). Напротив, Ilievi and Ganchevi v. Bulgaria, nos. 69154/11 and 69163/11, §§ 58–61, 8 June 2021, где нарушение ст. 3 Европейской конвенции не было установлено.

²⁶ A v. Russia, no. 37735/09, § 67, 12 November 2019; см. также Dokukiny v. Russia, no. 1223/23, §§ 24, 28, 24 May 2022

²⁷ Greek case, cited above, pp. 461-465

²⁸ Zherdev v. Ukraine, no. 34015/07, §§ 88-90, 27 April 2017

²⁹ Greek case, cited above, pp. 461-465

задержаны полицией³⁰, нарушение прав матери и дочери из-за нахождения последней в транзитном центре и последующая высылка в Демократическую Республику Конго³¹.

Применение специальных техник допроса: долговременное стояние у стены, лишение пищи и воды, лишение сна, постоянный шум, надевание мешка на голову³².

Ретравматизация: многократный допрос несовершеннолетней потерпевшей об обстоятельствах пережитого ею изнасилования³³, неспособность властей принять меры по предотвращению жестокого обращения в отношении лиц с альбинизмом и наказать виновных³⁴.

Помещение под стражу несовершеннолетнего без базовых процессуальных гарантий: помещение несовершеннолетнего под стражу впервые без доступа к адвокату и извещения родителей о его задержании, чтобы сломить его моральное сопротивление и использовать его уязвимое эмоциональное состояние для получения признания³⁵.

Непропорциональное преступлению наказание: неоправданное отсутствие меры наказания, оставляющее задержанного в течение многих лет в неопределенности относительно его будущего, особенно в отношении малолетнего³⁶.

Судебное заседание в отношении несовершеннолетнего: обстоятельства и способ проведения публичного судебного разбирательства в отношении несовершеннолетнего³⁷, чрезмерно длительное судебное разбирательство в отношении несовершеннолетнего³⁸.

Одиночное заключение, содержание incomunicado: 23-дневное секретное содержание incomunicado в отеле под контролем македонских агентов государства³⁹, одиночное содержание около 8 лет, запрет на получение и отправку корреспонденции, запрет на контакты с иными осужденными, охраной, адвокатами и членами семьи, сопряженные с плохими условиями содержания⁴⁰.

Угроза собаками: использование собак при допросе для внушения страха⁴¹.

Родственники жертв насильственных исчезновений как отдельные жертвы нарушения: родственник жертвы, пострадавший от ее или его насильственного исчезновения, за которое несут ответственность агенты властей⁴².

---

³⁰ Ioan Pop and Others v. Romania, no. 52924/09, § 61-65, 6 December 2016

³¹ Mubilanzila Mayeka and Kaniki Mitunga v. Belgium, no. 13178/03, ECHR 2006-XI, напротив, в деле Tarak and Depe v. Turkey, no. 70472/12, 9 April 2019, где нарушение прав матери малолетнего, который провел день в отделе полиции, не было установлено.

³² Ireland v. the United Kingdom, 18 January 1978, § 162, Series A no. 25.

³³ B v. Russia, № 36328/20, communicated, 18 February 2021; ЕСПЧ еще не рассмотрел жалобу по существу.

³⁴ Y v. United Republic of Tanzania, no. 023/2014, § 8.7, 31 August 2018, CRPD

³⁵ Dushka v. Ukraine, no. 29175/04, § 52, 3 February 2011

³⁶ V. v. the United Kingdom [GC], no. 24888/94, §§ 75-80, ECHR 1999-IX, нарушение прав не было установлено.

³⁷ Там же, §§ 93-101, нарушение прав не было установлено.

³⁸ Tatyana Krasnova v. Kyrgyzstan, 1402/2005, § 3.1, 29 March 2011, HRC; КПЧ не стал рассматривать эту часть жалобы по существу.

³⁹ El-Masri v. the former Yugoslav Republic, cited above, § 511

⁴⁰ Paşcu and Others v. Moldova and Russia [GC], no. 48787/99, §§ 438-440, ECHR 2004-VII

⁴¹ Concluding Observations of the Committee against Torture: United States of America [Электронный ресурс] 25 Jul. 2006. CAT/C.USA/CO/2. § 24. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G06/432/27/pdf/G0643227.pdf?OpenElement>

⁴² Çakıcı v. Turkey [GC], no. 23657/94, §§ 94-99, ECHR 1999-IV, Kurt v. Turkey, 25 May 1998, §§130-134, Reports of Judgments and Decisions 1998-III, Quinteros v. Uruguay, cited above, § 14.

Иные случаи: поджог и разрушение дома заявителей, за которое ответственны агенты государства, выселение их из деревни без средств к существованию и без предоставления убежища⁴³, удаление органов у трупа без ведома или согласия близких членов семьи покойного, что причиняет последним страдания достаточные, чтобы считаться нарушением ст. 3 Европейской конвенции⁴⁴.

Общие принципы доказывания психологических пыток в международном праве.

Если рассматривать доказывание психологической пытки с точки зрения международных органов по защите прав человека, представляется, что могут быть использованы различные доказательства. Вопрос доказывания фактов является ключевым. Это означает, что доказыванию подлежит то обстоятельство, что жестокое обращение случилось на самом деле, так как описываемые акты жестокого обращения будут, как правило, достаточно жестокими, чтобы нарушить международное право.

Говоря в целом, по делам о пытках ЕСПЧ, оценивая доказательства, применяет стандарт доказывания “вне всяких разумных сомнений”, но доказанность пытки может вытекать из совокупности достаточно надежных, четких и последовательных предположений или на совокупности неопровержимых презумпций фактов⁴⁵.

Если лицо находится под контролем властей (например, отбывает наказание в исправительном учреждении, находится в отделе полиции) или в общем плане сталкивается с агентами властей, международные органы используют подход, согласно которому бремя доказывания того, что жестокое обращение не применялось к лицу, не может лежать исключительно на лице, подавшем жалобу. Оно зачастую переходит на государство при условии, что жалоба на предполагаемое жестокое обращение является обоснованной. Это объясняется тем, что лицо, которое утверждает о применении к нему жестокого обращения, не обладает доступом к доказательствам в той же степени, что и государство⁴⁶. В свою очередь, обоснованная жалоба – это жалоба, которая, на первый взгляд, позволяет предположить, что утверждения о жестоком обращении являются достоверными.

Если к лицу применялись запрещенные методы психологического воздействия, крайне важно *последовательно сообщать об этом на всех этапах расследования*. Это означает, что указывать на применение к лицу психологического насилия необходимо сразу в сообщении о преступлении. Если сообщение о преступлении подается устно, аналогичным образом при изложении жалобы необходимо сразу же указывать на применение психологически жестокого обращения. В любом случае о психологически жестоком обращении следует сообщать при подаче любой *первичной* жалобы, независимо от того, подается ли она в компетентный орган (для Российской Федерации, представляется, таким органом будет Следственный комитет РФ или его

---

⁴³ Hasan İlhan v. Turkey, no. 22494/93, §§ 107-108, 9 November 2004

⁴⁴ Elberte v. Latvia, no. 61243/08, §§ 135-143, ECHR 2015

⁴⁵ Bouyid v. Belgium [GC], no. 23380/09, § 82, ECHR 2015

⁴⁶ Mukong v Cameroon, no. 458/91, §§ 9.2, 1994 HRC 1994

территориальные органы соответственно) или иному органу/должностному лицу, устно или письменно.

Сообщение о преступлении по возможности должно быть подано либо незамедлительно, либо, если лицо находится, например, под стражей и не имеет объективной возможности подать жалобу на психологически жестокое обращение, как только такая возможность представится.

Сообщение о преступлении о психологически жестоком должно быть детальным: содержать время, место и дату предполагаемых событий. Если речь идет об угрозах, они должны быть описаны подробно, с изложением того, в ответ на какие действия или слова эти угрозы высказывались, кем. Кроме того, должно быть описано то, как лицо себя чувствовало, получая такие угрозы, и имелись ли у лица психологические последствия из-за этого.

Описывая жестокое обращение при опросе или допросе, лицо должно сообщать *наиболее подробные детали психологически жестокого обращения* (например, описание угроз, их количество, характер, в ответ на какие действия или слова эти угрозы высказывались, кем, когда, были ли психологические последствия для лица, в отношении которого угрозы высказывались, чувства в момент получения таких угроз, были ли свидетели). От того, насколько детально будет зафиксирована информация, зависит не только возможность работы с делом на национальном уровне, но и на международном.

Необходимо, как только предоставится такая возможность, *заявлять о своем психологическом состоянии и просить экспертов и специалистов зафиксировать жалобы*. Более того, важно просить их *провести тесты для выявления фактов психологического насилия*⁴⁷. Обращаться с такими ходатайствами необходимо, в первую очередь, к властям. Параллельно можно обращаться к независимому специалисту (например, психологу или психиатру) для самостоятельной фиксации жалоб на состояние здоровья и получения последующего заключения.

Реакция компетентных органов на ходатайства о получении необходимых для расследования психологически жестокого обращения доказательств имеет ключевое значение. Так, в деле **Hristovi v. Bulgaria** на месте, где сотрудники полиции предположительно угрожали оружием дочери и жене заявителя (также заявительницам), было недостаточное количество свидетелей, однако власти не опросили даже тех немногих свидетелей, что присутствовали на месте. Суд счел, что из-за проведения неэффективного расследования и отсутствия действий в ответ на ходатайства заявителей, установить, были ли угрозы оружием в действительности или нет, невозможно. Именно поэтому, с одной стороны, отсутствие обоснованной реакции на аргументированные ходатайства пострадавшего лица, заявляемые для сбора доказательств, делает жалобу лица более обоснованной для международных органов, но с другой стороны, может привести к тому, что доказать психологически жестокое обращение «вне разумных сомнений» не представится возможным. В связи с этим сбор подавляющего числа необходимых доказательств может стать задачей пострадавшего,

---

⁴⁷ Обращение в Европейский Суд по правам человека. [А. Ю. Степанова, Д. В. Гурин, М. В. Хатунцева и др.]; под общей редакцией А. Ю. Степановой и Д. В. Гурина., М., 2020.

которую ему придется осуществлять самостоятельно или при помощи своего представителя.

Утверждения о применении психологически жестоких методов должны подниматься при исчерпании всех эффективных средств правовой защиты на национальном уровне. Если речь, например, идет о судебном обжаловании, такие утверждения с изложением позиции лица должны подниматься в *каждой* судебной инстанции, которая считается эффективной соответствующим международным органом.

ЕСПЧ принимает любые доказательства по делу⁴⁸ и тем самым не связан какими-либо стандартами доказывания, имеющимися в национальных правовых системах. Более того, ни одно из доказательств, представленных сторонами, не имеет для ЕСПЧ заранее установленной силы, и он свободно оценивает все имеющиеся у него в распоряжении доказательства. ЕСПЧ придерживается, однако, подхода, из которого следует, что жалобы на жестокое обращение и доказательства, подтверждающие их, должны быть доведены до национальных органов власти.

Результаты медицинского осмотра являются наиболее объективными и убедительными доказательствами. Такие осмотры должны производиться незамедлительно – как только представится такая возможность. В противном случае могут возникнуть сложности с доказыванием причинно-следственной связи между предполагаемым жестоким обращением и его психологическими последствиями для жертвы (*если они наступили*).

ЕСПЧ анализирует медицинские доказательства, применяя трехступенчатый тест:

- наличие либо отсутствие медицинских справок, подтверждающих психологические последствия жестокого обращения;

- своевременность фиксации психологической травмы;

- наличие либо отсутствие прямой причинно-следственной связи между предполагаемым жестоким обращением и психологической травмой⁴⁹.

В деле *Tănăsescu and Others v. Romania* жалоба заявителей, которые участвовали в антикоммунистических демонстрациях 1989 г. в Будапеште, была признана неприемлемой. Из фактов дела следовало, что в 1990 г. они были допрошены как свидетели по уголовному делу о применении насилия к мирным демонстрантам. Заявители утверждали, что получили психологическую травму, которая является жестоким обращением по смыслу ст. 3 Европейской конвенции. Признавая жалобу неприемлемой, во-первых, ЕСПЧ отметил, что психологическое состояние заявителей было оценено лишь в 2015 г. Во-вторых, в отчетах не было заключения о наличии психологической травмы, полученной заявителями в связи с событиями декабря 1989 г., выводы в отчетах, ограничивались предположением о сопутствующей патологии,

⁴⁸ Ireland v. the United Kingdom, cited above, § 209

⁴⁹ Tănăsescu and Others v. Romania (dec.), no. 30469/15 and 2 others, §§ 14-15, 04 September 2018

связанной с возможной травмой, полученной после этих событий. В-третьих, заявители не жаловались национальным властям на предполагаемое жестокое обращение.

В деле *Gutsanovi v. Bulgaria* Суд, установив нарушение ст. 3 Европейской конвенции в отношении трех заявителей – супруги г-на Гуцанова и двух его несовершеннолетних дочерей – принял во внимание заключения психиатра. Психиатр сделал вывод, что дочери г-на Гуцанова после обыска и его задержания в их доме испытывали тревожные реакции либо в форме беспокойства, либо в форме плача при воспоминаниях о тех событиях, а жена г-на Гуцанова принимала транквилизаторы. В деле *Ireland v. the United Kingdom* Ирландия, доказывая административную практику пыток и применение пяти методов допроса в отношении лиц, подозреваемых в терроризме, представила медицинские заключения, доказывающие потерю веса у указанных лиц и психологические расстройства в связи с пережитыми событиями.

Повторное психологическое освидетельствование пострадавшего через определенные промежутки времени приветствуется и позволяет отследить динамику в состоянии его здоровья после пережитых событий⁵⁰.

Хотя ЕСПЧ не исключает устное заслушивание показаний свидетелей, он принимает как опросы и показания свидетелей, полученные властями, так и заявителями и их представителями. В деле *Gutsanovi v. Bulgaria* Суд полагался на свидетельские показания учителей, которые описали состояние малолетних дочерей г-на Гуцанова после пережитых ими событий.

Доклады неправительственных международных организаций были использованы при оценке обстоятельств дела во многих делах. Что касается психологических пыток, использовались отчеты международных неправительственных организаций, таких как Международный Комитет Красного Креста⁵¹, European Center For Constitutional and Human Rights⁵², Amnesty International, Human Rights Watch и другие.

В качестве доказательств могут использоваться иные доказательства: телеграммы⁵³, куски повязки, которой агенты властей завязывали глаза задержанному⁵⁴, видео и аудио⁵⁵, записи в журналах содержания в камерах⁵⁶ и любые другие доказательства, которые могут подкрепить версию о применении запрещенных методов психологического воздействия.

Что касается практики договорных органов ООН, соответствующие руководства не содержат каких-либо существенных ограничений касательно форм, в которых должны быть представлены доказательства. Договорные органы принимают в качестве доказательств любые решения, принятые на национальном или международном уровнях, а также другие официальные документы, имеющие отношение к делу, такие

---

⁵⁰ Vagarov and Yefremov v. Russia, nos. 46955/10 и № 25257/13, § 42, 16 March 2021

⁵¹ Abu Zubaydah v. Lithuania, no. 46454/11, § 247, 31 May 2018

⁵² El-Masri v. the former Yugoslav Republic of Macedonia [GC], no. 39630/09, ECHR 2012

⁵³ Abu Zubaydah v. Lithuania, cited above, 31 May 2018

⁵⁴ Tekin v. Turkey, 9 June 1998, § 11, Reports of Judgments and Decisions 1998-IV

⁵⁵ Для ЕСПЧ, как правило, необходима расшифровка видео и аудиофайлов.

⁵⁶ Zherdev v. Ukraine, cited above, § 62

как медицинские заключения⁵⁷, любые документы или другие подкрепляющие доказательства... обосновывающие... сообщение, в том числе медицинские или психологические заключения, если в этом есть необходимость⁵⁸. Таким образом, автор индивидуального сообщения и его представители могут представить в договорные органы любые доказательства психологически жестокого обращения.

Члены семьи жертв серьезного нарушения прав человека как отдельные жертвы психологических пыток. Как было указано, в деле *Quinteros* КПЧ впервые подчеркнул, что родственник жертвы, которая была задержана властями и после этого исчезла, может быть самостоятельной жертвой жестокого обращения. Этот подход впоследствии был развит в практике ЕСПЧ. В деле *Çakici v. Turkey* ЕСПЧ указал, что в отношении члена семьи исчезнувшего лица может быть установлено отдельное нарушение ст. 3 Европейской конвенции, если имеются «особые факторы», которые сделали страдания заявителя по «степени и характеру отличными от эмоциональных переживаний, которые могут считаться неизбежно причиняемыми родственникам жертвы серьезного нарушения прав человека». *Суть нарушения* заключается не столько в факте «исчезновения» члена семьи, сколько *в реакции и отношении властей к ситуации, когда она доводится до их сведения*⁵⁹.

Как правило, это ситуации насильственного исчезновения. Например, в деле *Çakici* брат жертвы не присутствовал при его задержании, не проявлял активности в направлении жалоб в органы власти и в ответах властей не было «отягчающих обстоятельств», и ЕСПЧ не установил нарушения его прав. Напротив, в деле *Kurt v. Turkey* мать жертвы насильственного исчезновения стала очевидцем задержания, подавала жалобы властям и столкнулась с «игнорированием властей перед лицом ее мучений и переживаний», в связи с чем Суд установил нарушение ее права в соответствии с ст. 3 Европейской конвенции.

«Особые факторы», о которых идет речь выше, включают в себя:

- ✓ близость семейных уз и особые обстоятельства отношений;
- ✓ степень, в которой член семьи был свидетелем рассматриваемых событий.
- ✓ участие члена семьи в попытках получить информацию об исчезнувшем и

реакция властей на соответствующие запросы. Периоды неопределенности о судьбе жертвы в более чем 5 лет⁶⁰ и более ЕСПЧ оценивал как достаточно продолжительные.

Иной подход применяется, если информация об обстоятельствах исчезновения жертвы была получена. Относительно короткий период неопределенности между тем, как лицо было задержано и найдено мертвым, обычно не поднимает вопрос об отдельном нарушении ст. 3 Европейской конвенции в отношении члена семьи. Так,

---

⁵⁷ Руководство по представлению индивидуальных сообщений в договорные органы ООН [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ohchr.org/en/documents/tools-and-resources/form-and-guidance-submitting-individual-communication-treaty-bodies>

⁵⁸ Форма для представления индивидуальных сообщений в договорные органы ООН [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ohchr.org/en/documents/tools-and-resources/form-and-guidance-submitting-individual-communication-treaty-bodies>

⁵⁹ *Varnava and Others v. Turkey* [GC], nos. 16064/90 and 8 others, § 200, ECHR 2009

⁶⁰ *Vakayeva and Others v. Russia*, no. 2220/05, § 172, 10 June 2010

периоды в 1 сутки⁶¹, 2 дня со дня задержания, объявление о смерти через 3 недели и передача тела в течение 1 месяца после смерти⁶² не были признаны достаточно весомыми, чтобы причинить родственникам жертв страдания, достигающие минимального уровня жестокости. В ряде чеченских дел, где заявители не были свидетелями убийства своих родственников и узнали об их смерти только после обнаружения их тел, ЕСПЧ не рассматривал вопрос о нарушении ст. 3 Европейской конвенции в отношении членов семьи, указав, что уже было установлено нарушение ст. 2 в обоих аспектах⁶³. Если член семьи жертвы после долгого периода времени получил информацию от властей о судьбе жертвы и возмещение на национальном уровне, вопрос об отдельном нарушении ст. 3 Европейской конвенции не возникнет⁶⁴. В случае лишения жизни в нарушение ст. 2 Европейской конвенции, вопрос об отдельном нарушении ст. 3 Европейской конвенции в отношении членов семьи жертвы обычно не ставится ввиду мгновенного характера акта, за которым последовала смерть.

Жертвами нарушения ст. 3 Европейской конвенции являются и члены семьи жертвы ввиду обращения, которому подверглись трупы их родственников. Например, отдельное нарушение ст. 3 Конвенции было установлено в деле *Petrosyan v. Azerbaijan*, где отец получил изуродованное тело сына и не смог похоронить его должным образом и своевременно⁶⁵. В деле *Elberte v. Latvia* эмоциональные страдания супруги из-за удаления органов ее умершего мужа без ее ведома или согласия вопреки внутреннему законодательству повлекли за собой нарушение ст. 3 Европейской конвенции⁶⁶. Отдельное нарушение прав заявительницы было установлено в случае, когда сын заявительницы умер в тюрьме от СПИДа в результате неоказания ему медицинской помощи. И хотя она добивалась от властей изменений в его положении, они игнорировали ее запросы и впоследствии не провели эффективного расследования обстоятельств его смерти⁶⁷.

Что касается практики договорных органов, то весомая часть нарушений прав членов семьи жертвы касается случаев насильственного исчезновения и/или смерти. Например, КПЧ установил нарушение прав матери казненного из-за оставления ее в неопределенности относительно места, времени казни и места его захоронения⁶⁸. В некоторых случаях указывается, что члены семьи жертв ввиду неспособности властей расследовать обоснованные утверждения о пытках, насильственных исчезновениях и смертях лиц, а также иных обстоятельств дела подвергаются «повторной

---

⁶¹ Velkhiyev and Others v. Russia, no. 34085/06, § 137, 5 July 2011

⁶² Saribekyan and Balyan v. Azerbaijan, no. 35746/11, § 90, 30 January 2020

⁶³ Например, Tangiyeva v. Russia, no. 57935/00, § 104, 29 November 2007

⁶⁴ Palić v. Bosnia and Herzegovina, no. 4704/04, § 75, 15 February 2011, см. также Janowiec and Others v. Russia [GC], nos. 55508/07 and 29520/09, § 178, ECHR 2013, где нарушение прав заявителей не было установлено, хотя в течение в том числе нескольких лет после ратификации Европейской конвенции они добивались от российских властей информации об обстоятельствах смерти их родственников в 1940 г., в то время как обстоятельства их смерти стали историческим фактом.

⁶⁵ Petrosyan v. Azerbaijan, no. 32427/16, § 74, 4 November 2021

⁶⁶ Elberte v. Latvia, cited above, §§ 135-143

⁶⁷ Salakhov and Islyamova v. Ukraine, no. 28005/08, § 204, 14 March 2013

⁶⁸ Schedko v. Belarus, no. 886/99, § 9.4, HRC 2003

виктимизации». Так, в деле *Estela Deolinda Yrusta and Alejandra del Valle Yrusta v. Argentina* КПП ООН установил нарушение прав авторов, поскольку «тревога и беспокойство, вызванные у них в силу отсутствия информации, которая позволила бы выяснить судьбу брата, усугубились непризнанием на деле их статуса жертв, которое оборачивается фактором повторной виктимизации»⁶⁹. В деле *Dalisa Dovdzija and Sakiba Dovdzija v. Bosnia and Herzegovina* КПЧ установил, что авторы на протяжении 20 лет были жертвами повторной виктимизации, так как их [страдания из-за неудачных] попыток узнать о судьбе пропавших членов семьи усугублялись тем, что власти не отвечали на запросы авторов и не пытались получить известную авторам информацию об обстоятельствах исчезновения членов семьи⁷⁰.

Понятие психологической пытки в российском законодательстве и анализ ее элементов на основе судебной практики.

Говоря о понятии и квалификации психологических пыток на уровне национального права в России, в первую очередь необходимо отметить, что на данный момент в уголовном законодательстве отсутствует норма, которая бы в полном объеме соответствовала международным стандартам дефиниции «пытка» или отражала бы международные стандарты запрета применения «бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания». Таким образом, достаточно сложно оперировать данными терминами применительно к российскому законодательству, чтобы не потерять при этом существенных элементов. Возникает вопрос, как идентифицировать психологическую пытку, в чем она может проявляться, какие последствия влечь за собой, как ее доказывать? В связи с этим, чтобы рассмотреть проблему оценки психологических пыток в национальной правоприменительной практике, необходимо выявить аналогичные по смыслу термины, примеры их использования и толкования судами.

Первое, с чем сталкивается человек, который хочет найти в российском уголовном законодательстве юридическую квалификацию действий, относящихся к пытке, это ст. 117 УК РФ. Примечание к ст. 117 УК РФ дает предлагает дефиницию «пытки», которая, тем не менее, не отображает необходимый критерий специального субъекта данного нарушения с точки зрения международного права - совершение преступления агентом государства, то есть, в наиболее близком переводе на правовой русский – должностным лицом. Вместе с тем, ст. 117 УК РФ содержит важное для раскрытия понимания судами психологического насилия понятие – нравственные страдания.

К сожалению, ни законодательство, ни Верховный Суд РФ не дают дефиниции или даже примерных признаков нравственных страданий, которые, по сути, и являются последствием психологического насильственного воздействия. Верховный Суд РФ зачастую ограничивается прямой имплементацией стандарта ЕСПЧ, указывая, что унижающим достоинство является обращение, если оно вызвало у жертв чувство страха,

⁶⁹ Estela Deolinda Yrusta and Alejandra del Valle Yrusta v. Argentina, no. 778/2016, § 7.10, CAT 2015

⁷⁰ Dalisa Dovdzija and Sakiba Dovdzija v. Bosnia and Herzegovina, no. 2143/2012, § 11.8, HRC, 2015

тревоги и неполноценности, способное оскорбить и унижить их и, возможно, сломить их физическое или психологическое сопротивление, или если оно вынудило жертву действовать против ее воли и совести⁷¹. Из положительного можно отметить, что данная формула регулярно встречается в решениях федеральных судов, то есть применяемые ЕСПЧ стандарты не выпадают из поля внимания российской судебной системы.

Анализ ряда приговоров по данной статье позволяет выявить, что именно российские суды склонны расценивать в качестве нравственных страданий. Так, Талицкий районный суд (Свердловская область) в приговоре указал, что потерпевший испытал нравственные страдания, «выразившиеся в чувстве обиды, страха и боли, боязни повторения насилия и невозможности его избежать»⁷²; Самарский районный суд г. Самары отметил психические страдания потерпевшего, «вызванные чувством обиды и унижения»⁷³; Шилкинский районный суд (Забайкальский край) в приговоре указал, что подсудимая причинила потерпевшей «психические страдания - мучения, чувства унижения собственного достоинства, безысходности и собственной незащищенности от противоправных действий [подсудимой]»⁷⁴.

Таким образом, интерпретация российскими судьями нравственных страданий, переживаемых человеком в моменты жестокого обращения к нему, в целом совпадает со стандартами ЕСПЧ. При этом пунктом 8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.1994 №10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» предписывает судам оценивать степень нравственных или физических страданий с учетом фактических обстоятельств причинения морального вреда, индивидуальных особенностей потерпевшего и других конкретных обстоятельств, свидетельствующих о тяжести перенесенных им страданий. Это отражает подход ЕСПЧ при разрешении вопроса о разделении пыток, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения.

Через призму особых страданий жертвы российскими судами также раскрывается квалифицирующий признак ряда преступлений «особая жестокость». Примеры из судебной практики по делам, где установлен наличие этого признака, позволяют выявить, какие действия суды квалифицируют как особую жестокость, как влекущие или приносящие особые страдания.

Так, Забайкальский краевой суд установил, что факт совершения убийства потерпевшей в присутствии ее малолетних детей свидетельствует о причинении особых страданий не только самой убитой, но и ее детям, и, среди прочего, свидетельствует об особой жестокости деяния⁷⁵.

---

⁷¹ «Обзор практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека № 4 (2020)» (подготовлен Верховным Судом РФ) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁷² Приговор № 1-116/2020 от 7 июля 2020 г. по делу № 1-116/2020 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁷³ Приговор № 1-100/2019 1-3/2020 от 21 февраля 2020 г. по делу № 1-100/2019 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁷⁴ Приговор № 1-244/2020 от 14 октября 2020 г. по делу № 1-244/2020 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁷⁵ Приговор № 2-24/2020 от 6 августа 2020 г. по делу № 2-24/2020 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Пятый апелляционный суд общей юрисдикции дал оценку выводам нижестоящего суда, согласившись, что «В., совершая убийство потерпевшей в присутствии ее близких родственников - матери и сына, осознавал, что своими действиями *причиняет им особые нравственные страдания*, что свидетельствует о наличии в его действиях квалифицирующего признака - убийства, совершенного с особой жестокостью»⁷⁶.

Третий кассационный суд общей юрисдикции приходит к схожим выводам при рассмотрении кассационной жалобы осужденного: «Судебная коллегия считает, что квалифицирующий признак покушения на убийство - совершение его с особой жестокостью - вменен правильно, поскольку судом установлено, что покушение на убийство потерпевшей совершалось *на глазах ее малолетнего сына, которому этими действиями причиняются особые страдания*»⁷⁷.

Следовательно, суды проводят прямую связь между возникновением у лица нравственных страданий и присутствием этого лица при совершении насилия в отношении кого-то из его близких.

Таким образом, позволительно сделать промежуточный вывод – российские суды хорошо знакомы с концепцией нравственных страданий, а также имеют широкое представление об актах нефизического воздействия, вызывающих такие страдания.

Однако в законе отсутствуют нормы, которые бы прямо указывали на совершение психологического насилия в отношении пострадавшего агентом государства как на преступление.

Открытым остаётся вопрос, как именно в рамках российского уголовного законодательства квалифицировать совершение агентом государства психологического насилия, не сопряженного с физическим?

По общему правилу, ответственность за физические пытки наступает по ч.3 ст.286 УК РФ, в ряде редких случаев – по ст.302. При этом по ч.3 ст.286 УК РФ ответственность наступает и за другие виды превышения полномочий. Случаи же «чистого» психологического насилия, выражающиеся не в угрозах физического насилия, должны быть квалифицированы по ч.1. ст. 268 УК РФ.

Рассмотрим, что именно относят суды к психологическому насилию в срезе совершения этих действий должностными лицами.

По делу заявителя Каледина М.Н. Автозаводский районный суд г. Н. Новгорода 16 июля 2004 г. вынес приговор, в котором прямо указал, что психологическое насилие в отношении потерпевшего выражалось в угрозах причинения вреда здоровью Каледина

---

⁷⁶ Апелляционное определение Пятого апелляционного суда общей юрисдикции от 04.02.2021 по делу № 55-40/2021 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁷⁷ Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 13.05.2021 № 77-827/2021 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

М. Н., а также его семье, которые потерпевший в силу сложившейся обстановки воспринимал как реально исполнимые.

22 июля 2010 г. Нижегородский районный суд г.Н.Новгорода вынес приговор по делу о пытках в отношении Якимова А.В., указав следующее: «[подсудимые] угрожали ему применением физического насилия и убийством, сказав, что сбросят его из окна, для чего [подсудимый] для демонстрации истинности своих намерений открыл окно кабинета, оказывая на Якимова А.В. психическое насилие, причиняя ему тем самым нравственные страдания. В силу сложившихся обстоятельств у Якимова А.В. имелись основания опасаться осуществления этой угрозы».

06 ноября 2012 г. Автозаводский районный суд г.Н.Новгорода вынес приговор по делу об избиении сотрудниками милиции Николаева Д.А. Помимо физического насилия, в отношении Николаева Д.А. установлено совершение психологического насилия: «Во время применения насилия к потерпевшему [подсудимые] неоднократно высказывали в адрес потерпевшего угрозы убийством, при этом [подсудимый] достал из пиджака Николаева Д.А. раскладной нож, принадлежащий потерпевшему, приставил лезвие данного ножа к шее потерпевшего. Данные угрозы Николаев Д.А. в сложившейся ситуации, будучи лишенным возможности к защите, воспринимал как реал осуществимые. [Подсудимые] применяли вышеуказанным образом физическое и психическое насилие в отношении потерпевшего до 03 часов 30 минут 05.06.2012 г. ...».

Приведенные примеры демонстрируют, что суды относят к психологическому насилию угрозу физического насилия по отношению к жертве или близким жертвы.

Однако, существуют и более изощренные угрозы. Так, в практике встречаются случаи не только угроз физического насилия, но и создания для жертвы условий жизни, которые нацелены на перманентное унижение человеческого достоинства. Часто такие примеры связаны с нахождением жертвы в местах принудительного содержания и особой культурой, сложившейся там.

Так, при вынесении приговора по жалобе на незаконное насилие Карпова С.П. 06 июня 2008 г. Лысковский районный суд Нижегородской области следующим образом описал психическое насилие, совершенное в отношении потерпевшего: «При этом [подсудимый] угрожал Карпову С.П. расправой, сексуальным насилием, называя, что в случае неисполнения требований [подсудимого] как сотрудника администрации исправительного учреждения, он, ... путем физического и психического воздействия создаст невыносимые условия для отбывания Карповым С.П. наказания в исправительной колонии, в том числе связанные с понижением социального статуса Карпова С.П. среди осужденных с отнесением его к группе социально-неадаптированных по понятиям преступного сообщества. После того как Карпов С.П. предупредил [подсудимого], что в случае продолжения насилия и понижения социального статуса Карпова С.П. среди осужденных с отнесением его к группе социально-неадаптированных по понятиям преступного сообщества он покончит жизнь самоубийством, [подсудимый] ... вывел Карпова его из душевого помещения в

раздевалку, оставив его в обнаженном виде. В целях психического воздействия на волю осужденного пригласил сотрудника медицинской части И.С.А., предложив ей повторно осмотреть Карпова С.П., по результатам проведенного И.С.А. осмотра телесные повреждения и следы побоев обнаружены не были, в связи с чем [подсудимый] продемонстрировал безнаказанность своих незаконных действий. *(Установлено, что к этому моменту подсудимый уже нанес Карпову С.П. побои – прим.автора)*

Затем [подсудимый] ... дал указание осужденным входящим в самодеятельные организации осужденных исправительного учреждения о применении к Карпову физического и психического насилия с целью исполнения Карповым требований [подсудимого] как сотрудника исправительного учреждения, после чего в тот же вечер в комнате приема пищи карантина указанными осужденными было незаконно применено физическое и психическое насилие унижающее человеческое достоинство Карпова С.П., в результате которого Карповым было подписано обязательство о выполнении им законных требований администрации, ... заявления о вступлении Карпова С.П. в самодеятельную организацию осужденных и о том, что до осуждения Карпов занимался гомосексуализмом, затем были переданы [подсудимому], который продемонстрировав их Карпову, оказывая на потерпевшего психическое насилие, назвал о том, что Карпов допустил ошибку высказавшись о возможном самоубийстве; что Карпов будет переведен в отряд, оперативное обеспечение которого в силу своих служебных обязанностей осуществляет [подсудимый]; организует встречу Карпова с оперативным сотрудником Лысковского РОВД Нижегородской области принимавшим участие в расследовании преступлений, за которые Карпов осужден; что последуют явки осужденного Карпова с повинной; а в случае если Карпов обратится с жалобой на совершенные в отношении него незаконные действия - будет понижен социальный статус Карпова среди осужденных с отнесением его к группе социально-неадаптированных по понятиям преступного сообщества. После этого Карпов вынужден был носить нарукавный знак большего размера, свидетельствующий о том, что Карпов первоначально отказывался выполнять требования администрации исправительного учреждения, а затем согласился, что унижало человеческое достоинство Карпова».

Данный пример позволяет выявить сразу несколько способов психологического насилия со стороны агента государства:

- угрозы физического и психологического насилия;
- угрозы совершения действий, нацеленных на понижение социального положения пострадавшего в группе его постоянного пребывания, имеющей специфические правила;
- демонстрация безнаказанности своих насильственных действий;
- угрозы использования служебного положения для ухудшения условий проживания жертвы;

- принуждение носить знак, являющийся в группе постоянного пребывания жертвы унижающим.

Нередко встречаются угрозы совершения действий сексуального характера с целью дальнейшего распространения информации об их совершении в отношении жертвы в местах принудительного содержания. Данный тип угроз транслирует жертве, что, если она не выполнит предъявляемые к ней требования, ей придется не только переживать акт сексуального насилия в отношении себя, но также и столкнуться с последующим регулярным унижением на основании случившегося с ней.

Так, 18 апреля 2016 г. Автозаводский районный суд г.Н.Новгорода вынес приговор по делу о пытках в отношении Гасанова Н.И.оглы и Заманова Э.Р. Помимо актов физического насилия, суд обратил внимание на следующее: «в процессе незаконного применения насилия, [подсудимый] стянул с Заманова Э.Р. штаны, угрожая применением насилия, обещал совершить с ним насильственные действия сексуального характера, записать их совершение на камеру мобильного телефона и распространить полученную видеозапись в места лишения свободы, куда для содержания будет направлен Заманов Э.Р., в том случае, если потерпевший не оговорит себя».

08 июня 2012 г. Йошкар-Олинский городской суд Республики Марий Эл вынес приговор по делу о пытках Козлова И.Ю. В приговоре суд отразил, среди прочего, следующее поведение подсудимых: «После этого у [подсудимых] возник умысел на оказание ... в отношении Козлова И.Ю., психологического давления путем принуждения последнего к совершению поступка, считающегося в преступной среде недопустимым и влекущим для совершившего его лица неблагоприятные последствия, в том числе, в виде причинения ему смерти. ... [Подсудимые] стали удерживать Козлова И.Ю. за руки и за ноги, пресекая оказываемое им сопротивление совершаемым в отношении него противоправным действиям. В это же время [Подсудимый] ... спустил с Козлова И.Ю. брюки и трусы. После этого [подсудимые] подвели к Козлову И.Ю. одного из находившихся в кабинете неустановленных мужчин, наклонили его лицом к обнаженным половым органам Козлова И.Ю., угрожая тем самым последнему наступлением для него неблагоприятных последствий во время отбытия наказания в виде лишения свободы. Во время совершения указанных незаконных действий [подсудимые] высказывали в адрес Козлова И.Ю. угрозы физической расправой, требовали, чтобы он сознался в совершении убийства П.Н.В. Высказанные угрозы Козлов И.Ю. учитывая сложившуюся обстановку, воспринял реально и у него имелись основания опасаться осуществления данных угроз».

Иногда подобное насилие используется представителями государства для понуждения бывших жертв к совершению аналогичных преступлений в отношении других лиц.

Например, Новотроицкий городской суд Оренбургской области 05 апреля 2017 г. в рамках приговора по делу о насильственных действиях в отношении Мубаракшина Д.Н. установил: «[Подсудимые] являются исполнителями данных преступлений,

поскольку они совершили применение насилия к Мубаракшину Д.М. и совершение в отношении него иных насильственных действий сексуального характера посредством использования других лиц, не подлежащих уголовной ответственности за эти деяния в силу того, что, получив от [подсудимых] указание на применение насилия к Мубаракшину, они действовали под психическим воздействием и под угрозой применения насилия к ним самим в условиях, позволяющих опасаться осуществления этой угрозы, то есть в условиях крайней необходимости, поскольку они, отбывая наказание в виде реального лишения свободы и зная о применении насилия к другим осужденным по указанию руководства колонии, имели реальные основания опасаться за свою жизнь и здоровье, в силу чего по требованию [подсудимых] применили насилие к Мубаракшину, и уголовное преследование в отношении них по данному факту в ходе предварительного расследования было прекращено».

Психологическое насилие также может быть связано с контекстом, созданным преступником для устрашения жертвы.

По делу заявителя Новоселова А.В. Нижегородский районный суд г.Н.Новгорода 07.02.2019 г. вынес приговор, в котором отнес к незаконному психологическому воздействию следующее: « ... [подсудимый]... решил организовать оказание на Новоселова А.В. силами подчиненных ему сотрудников и иных привлеченных лиц неправомерное психологическое воздействие, применить к нему насилие и угрозы, нарушить личную неприкосновенность и свободу Новоселова А.В., для чего похитить его, переместить в безлюдное место в лесной массив, а также создать для него обстановку, угрожающую его жизни и здоровью, находясь в которой Новоселов А.В, был бы вынужден сообщить все известные ему сведения».

Суды также обращают внимание на акты унижения человеческого достоинства, выражающиеся в оскорблениях жертвы. Например, 15 декабря 2011 г. Промышленный районный суд г. Оренбурга в приговоре по делу о пытках в отношении Ворошилова А.С. отметил следующее в качестве психологического насилия: «[Подсудимые] вывели понятых, [подсудимый] порвал протокол, они стали оказывать на [потерпевшего] психологическое давление, чтобы дал другие показания, оскорбляли и унижали его, с целью чтобы он признал себя виновным в хранении и изготовлении наркотических веществ...»

Тем не менее, во всех приведенных примерах психологическое насилие рассматривалось как сопутствующее физическому. В действительности, многие факты психологических пыток остаются без внимания правоохранительной системы. Это связано в первую очередь со сложностью доказывания, а также с тем, что следствие склонно не видеть нарушения из-за «малозначительности».

Заключение

Психологическая пытка – это реальность настоящего времени. Учитывая проведенный анализ российского и международного права, можно с уверенностью сказать о том, что жестокое обращение не охватывается только физическим насилием. Вопрос об уважении человеческого достоинства возникает, если к лицу было применено психологическое насилие. Психологическое насилие не знает границ и может затрагивать мужчин, женщин, детей, пожилых, лиц с инвалидностью и другие уязвимые группы населения. Оно хотя и не оставляет видимых следов, способно привести к полному разрушению личности человека. Соответственно, психологически жестокое обращение во всем его многообразии должно быть запрещено, иначе абсолютный запрет пыток не будет иметь смысла.

В абсолютном большинстве случаев физическое насилие на практике сопровождается различными видами психического воздействия. Юристы Команды против пыток провели анализ дел, по которым правозащитниками был установлен факт пыток. Так, было проанализировано 230 дел по обстоятельствам применения пыток к 294 людям. Применение совместно с физическим насилием психологического было выявлено в 50% случаев.

По итогам анализа статистики КПП установлено, что наиболее частыми формами психологического насилия являются различного вида угрозы (113 случаев), акты унижения человеческого достоинства, которые могут быть выражены в оскорблениях, раздевании пострадавшего, запрете на посещение туалета (75 случаев), создание условий задержания или обыска, которые могут быть квалифицированы как психологическое насилие по стандартам ЕСПЧ (13 случаев). 23 случая из проанализированных включают угрозы совершения сексуализированного насилия, оскорбления или действия сексуализированного характера.

Очевидно, что усилия всех государств должны быть сосредоточены на том, чтобы искоренять не только физические, но и психологические пытки и иные формы жестокого обращения. Очевидно, что в российской правовой системе в данный момент не уделяется должного внимания этому вопросу. Ориентиром может быть практика международных органов и положительная практика других государств.

Информация о запрещенных методах психологического воздействия должна быть широкодоступной и должна транслироваться через все открытые источники информации. Учитывая многообразие практики международных органов, где было установлено, что права человека были нарушены в ходе использования психологического насилия, государства должны обучать сотрудников правоохранительных органов правомерным методам допроса, проведению операций по задержанию и обыскам в жилище с учетом возможного присутствия уязвимых лиц (являются ли они спланированными или нет), разработать инструкции и правила допустимого поведения в ситуациях, предполагающих психологически жестокое обращение. Государства должны полностью сосредоточить свои усилия на расследовании утверждений о психологически жестоком обращении и не считать их “легкими” пытками. Особое внимание должно уделяться защите пострадавших в ходе разбирательств вне зависимости от того, являются ли они пострадавшими в результате

пытках или близкими родственниками жертвы. К сожалению, зачастую этого также не происходит, и пострадавший или его близкие так или иначе подвергаются повторной виктимизации ввиду неспособности властей расследовать произошедшее.

Постановление ЕСПЧ	Рассматриваемый вопрос и факты дела	Основное
<p><i>Denmark, Norway, Sweden and the Netherlands v. Greece (Greek case), nos. 3321/67 and 3 others, Commission report of 5 November 1969, Yearbook 12, pp. 461-465.</i></p>	<p>Вопрос. Было ли обращение с политическими заключенными административной практикой пыток¹ по смыслу ст. 3 Конвенции? Факты. В 1967 г. в Греции произошел государственный переворот. В стране объявили чрезвычайное положение, отменили назначенные политические выборы, лица не согласные с политическим режимом произвольно подвергались заключению. Дания, Норвегия, Швеция жаловались на административную практику пыток в отношении политических заключенных со стороны полиции, военных в Греции.</p>	<p>Бесчеловечное обращение охватывает по меньшей мере такое умышленное обращение, которое причиняет серьезные страдания, психические или физические, неоправданные в конкретной ситуации (стр. 186 Доклада).</p> <p>Понятие нефизическая пытка используется в этом деле как затрагивающее причинение нравственных страданий путем создания боли и стресса с помощью средств иных, чем физическое насилие (стр. 461 Доклада).</p>
<p><i>East African Asians v. the United Kingdom, nos. 4403/70 and 30 others, Commission report of 14 December 1973, §§ 190-191.</i></p>	<p>Вопрос. Может ли дискриминация по признаку расы быть приравнена к унижающему достоинство обращению? Факты. В 1960-е гг. Кения, Уганда, Танзания стали независимыми. У многих азиатов, живших там, не было гражданства этих стран, но многие приняли британское подданство ранее. Дабы помешать им въехать в Британию, Правительство Британии в 1968 г. в</p>	<p>190. Правительство... утверждало, что термин «унижающее достоинство обращение» относится только к физическим актам. 191. Комиссия считает такое толкование «унижающего достоинство обращения» слишком ограниченным. Даже для бесчеловечного обращения или пытки нет необходимости в физическом элементе.</p>

¹ Два элемента нужны для установления административной практики пыток: **повторение актов [жестокости обращения] и терпимость государства к ним.** Под повторением актов подразумевается значительное число актов пыток или жестокого обращения, которые являются выражением общей ситуации. Характер... актов может заключаться либо в том, что, с одной стороны, они произошли в одном и том же месте, что они были присвоены агентам одного и того же военного или полицейского органа, либо в том, что жертвы принадлежали к одной и той же политической категории; или, с другой стороны, что они произошли в нескольких местах или от рук различных властей, или были нанесены лицам различной политической принадлежности. Под терпимостью государства подразумевается, что, поскольку акты пыток или жестокого обращения явно неправомерны, к ним относятся терпимо в том смысле, что начальство тех, кто непосредственно несет ответственность, хотя и знает о таких актах, не предпринимает действий, чтобы наказать их или предотвратить их повторение; или что вышестоящие органы власти, перед лицом многочисленных утверждений, проявляют безразличие, отказываясь от любого надлежащего расследования их истинности или ложности, или что в судебном разбирательстве отказано в справедливом рассмотрении таких жалоб (стр. 195 Доклада).

	<p>течение 3 дней принял специальный закон. Некоторые заявители, пытавшиеся въехать в Великобританию или поселиться в ней, были заключены в тюрьму на недели или месяцы. Заявители жаловались, что отказ во въезде сделал их гражданами «второго сорта» и это нарушило ст. 3 Конвенции.</p>	
<p><i>Ireland v. the United Kingdom, 18 January 1978, § 162, Series A no. 25.</i></p>	<p>Вопрос. Было ли применение психологических техник к лицам под стражей административной практикой пыток в нарушение ст. 3 Конвенции?</p> <p>Факты. В ходе беспорядков в Северной Ирландии британские власти задержали сотни лиц по подозрению в терроризме. К некоторым применили «пять методов допроса»: долговременное стояние у стены, лишение пищи и воды, сна, постоянный шум, ношение мешка. Ирландия утверждала, что «пять методов допроса» были административной практикой пыток. Великобритания утверждала, что меры были необходимы; обычные процедуры обеспечения правопорядка стали недостаточными для борьбы с ИРА².</p>	<p>162. ...жестокое обращение должно достичь минимального уровня жестокости, чтобы подпадать под действие ст. 3 Конвенции: его оценка относительна и зависит от всех обстоятельств дела, таких как продолжительность обращения, его физические или психические последствия и, в некоторых случаях пол, возраст и состояние здоровья жертвы и так далее.</p> <p>167. Методы допроса применялись умышленно, в течение нескольких часов подряд и причиняли если не фактические телесные повреждения, то по крайней мере сильные физические и психические страдания, приводили к острым психическим расстройствам. Методы были унижительными, так как вызвали чувство страха, страдания и неполноценности способное унижить и оскорбить и, возможно, сломить физическое или моральное сопротивление³.</p>
<p><i>Campbell and Cosans v. the UK, № 7511/76 and 7743/76, §§ 26, 30, 25 February 1982</i></p>	<p>Вопрос. Подверглись ли сыновья заявителей жестокому обращению, учитывая разрешенную практику телесных наказаний в государственных</p>	<p>Хотя Суд установил, что сыновья заявителей никогда не подвергались телесным наказаниям, он отметил следующее:</p> <p>26. Простая угроза поведения,</p>

² Ирландская республиканская армия – ирландское военизированное движение, цель которого состояла в достижении полной самостоятельности Северной Ирландии от Соединённого Королевства.

³ До настоящего времени существуют споры относительно квалификации жестокого обращения в этом деле. Мнения многих исследователей сходятся на том, что такое обращение уже в 1979 г. должно было квалифицироваться как пытка (см. также *Ireland v. the United Kingdom (revision)*, no. 5310/71, 20 March 2018).

	<p>школах Шотландии?</p> <p>Факты. По действующему тогда законодательству учителя имели право применять телесные наказания в умеренных количествах для поддержания дисциплины. Заявительницы жаловались на то, что в связи с применением телесных наказаний в качестве дисциплинарной меры их сыновья стали жертвами нарушения ст. 3 Конвенции.</p>	<p>запрещенного ст. 3 Конвенции, если она является достаточно реальной и непосредственной, может нарушить ее. По мнению Суда, угроза применения пыток к какому-либо лицу может в некоторых обстоятельствах представлять собой по меньшей мере «бесчеловечное обращение».</p> <p>30. ...не было представлено медицинских справок или иных доказательств, которые бы подтвердили возникновение у сыновей заявителек каких-либо психологических или иных последствий [из-за угрозы быть подвергнутыми телесному наказанию].</p>
<p><i>Selmouni v. France [GC], no. 25803/94, § 103, ECHR 1999-V</i></p>	<p>Вопрос. Подвергся ли заявитель, находившийся под стражей, жестокому обращению с учетом того, что государство не смогло предоставить убедительное и удовлетворительное объяснение для возникновения его травм?</p> <p>Факты. Находясь под стражей, заявитель подвергся разным методам жестокого обращения со стороны сотрудников полиции, в том числе сексуальному насилию. Большинство сотрудников полиции были приговорены к условным срокам лишения свободы.</p>	<p>103. ...ему угрожали паяльной лампой, а затем шприцем. Помимо насильственного характера вышеуказанных действий, Суд обязан отметить, что они были бы отвратительными и унижительными для любого человека, независимо от его состояния.</p>
<p><i>V. v. the UK [GC], № 24888/94, §§ 73-74, 78-79, 98-99, 16 December 1999</i> см. также <i>T. v. the UK [GC], № 24724/94, 16 December 1999</i></p>	<p>Вопрос. Может ли причинить психические страдания достаточные для того, чтобы нарушить ст. 3 Конвенции, неспособность властей установить меру наказания для несовершеннолетнего преступника, содержащегося под стражей, и оставление его/ее в течение многих лет в неопределенности относительно его/ее будущего?</p> <p>Факты. Мальчиков V. и T. обвиняли в</p>	<p>- Может ли возложение уголовной ответственности на 10-летнего, нарушить ст. 3 Конвенции?</p> <p>73-74. Суд заключил, что возложение уголовной ответственности на V. в возрасте 10 лет не нарушило ст. 3 Конвенции, так как тогда не было европейского консенсуса по этому вопросу среди государств-участников Конвенции.</p> <p>- Может ли в этих обстоятельствах</p>

	<p>убийстве 2-летнего, судили публично в суде для совершеннолетних в течение 3 недель по обычной процедуре, но с изменениями с учетом возраста (тогда им было 11 лет): они сидели около соцработников на специально приподнятой скамье подсудимых, их родителей, адвокатов. Слушания были сокращены. Судья предупредил, что объявит перерыв, когда они проявят признаки усталости или стресса, и он сделал это 1 раз. После осуждения имя V. и T. было разрешено опубликовать.</p> <p>V. был приговорен к 15 годам лишения свободы. Он обжаловал приговор, сочтя наказание непропорционально длительным и установленным без учета потребностей в реабилитации. Вышестоящий суд отменил наказание, так как предполагалось, что оно было наложено под влиянием общественного мнения. Мера наказания так и не была назначена.</p>	<p>дела судебное слушание, как оно было проведено, нарушить ст. 3 Конвенции?</p> <p>78. Уголовное преследование V. не было мотивировано намерением властей унижить или причинить страдания. Были приняты... меры для изменения процедуры, чтобы смягчить суровость судебного разбирательства с учетом возраста обвиняемых.</p> <p>79. ...любое разбирательство или расследование деяний T. и V., независимо от того, проводилось ли оно публично или в закрытом заседании с соблюдением формальностей или неофициально в суде по делам несовершеннолетних, вызвало бы у V. чувство вины, страдания, тоски и страха. По заключениям психиатров до начала [суда] он страдал от посттравматических последствий преступления; он безутешно плакал и ему было трудно рассказать о том, что он и T. сделали, он испытывал страх наказания и ужасного возмездия. Хотя публичный характер разбирательства, возможно, в определенной степени усугубил эти чувства, Суд не посчитал, что особенности судебного процесса в значительной степени причинили страдания, выходящие за рамки тех, которые неизбежно были бы вызваны любой попыткой властей разобраться с V. после совершения им этого преступления.</p> <p>- Было ли наказание в виде содержания под стражей для V. с учетом его возраста крайне несоразмерным по смыслу ст. 3 Конвенции?</p> <p>98. ...Конвенция не запрещает государствам налагать на ребенка или молодого человека, осужденного за тяжкое преступление, наказание на неопределенный срок, допускающее дальнейшее содержание</p>
--	--	---

		<p>преступника под стражей или вторичное заключение под стражу, если это необходимо для защиты общества.</p> <p>99. При рассмотрении дела в Суде V. еще не мог требовать пересмотра меры и был под стражей в целях заслуженного наказания в течение 6 лет. Такое наказание не могло считаться нарушающим ст. 3 Конвенции.</p>
<p><i>Pașcu and Others v. Moldova and Russia [GC], 48787/99, § 440, 08 July 2004</i></p>	<p>Вопрос. Может ли одиночное заключение нарушать ст. 3 Конвенции?</p> <p>Факты. Заявитель - г-н Илашку, молдавский оппозиционный политик, приговоренный к смертной казни за терроризм, содержался в одиночной камере около 8 лет, и ему было запрещено получать и посылать корреспонденцию. Ему не разрешалось разговаривать с другими осужденными или охраной, его выводили на прогулку одного. Ему не давали газет, не позволяли встречаться с адвокатом или членами семьи.</p>	<p>440. Суд посчитал, что в совокупности с отсутствием медицинской помощи и иными условиями (отсутствие отопления в камере, лишение еды, редкая возможность принять душ) одиночное заключение должно быть квалифицировано как пытка и констатировал нарушение ст. 3 Конвенции.</p>
<p><i>Ramirez Sanchez v. France [GC], № 59450/00, §§ 125, 136, 145-147, 4 July 2006</i></p>	<p>Вопрос. Может ли одиночное заключение нарушать ст. 3 Конвенции?</p> <p>Факты. Заявитель, международный террорист, в течение 8 лет и 2 месяца содержался в одиночной камере. В качестве причин называлась необходимость пресечения любых контактов с другими заключенными и обеспечение порядка и безопасности в тюрьме, так как он был под следствием по делам о терроризме. Психическое и физическое состояние заявителя было удовлетворительным. Жалоб на решение о содержании в одиночном заключении и продлении срока заключения от него не поступало.</p>	<p>125. Заявитель... никогда не отрекался от взглядов и не раскаивался, должен был содержаться в тюрьме с учетом чрезвычайных мер безопасности.</p> <p>136. Суд принял во внимание физические условия содержания заявителя при рассмотрении вопроса об его одиночном заключении и указал, что у него было право на ежедневную 2-часовую прогулку, право читать газеты и смотреть телевизор в камере. Хотя ему были запрещены контакты с другими заключенными и тюремным персоналом, его часто посещали адвокаты, и семья могла навещать его. Хотя одиночное заключение не запрещено Конвенцией, продолжительность содержания заявителя в одиночном</p>

	<p>Суд признал обоснованными опасения властей о том, что содержание в обычных тюремных условиях могло способствовать продвижению идей заявителя как внутри тюрьмы, так и за ее пределами. Учитывая все эти обстоятельства, а также тот факт, что заявителя перевели в обычные тюремные условия в ходе рассмотрения жалобы в Суде, Суд не установил нарушение ст. 3 Конвенции.</p>	<p>заклучении могла вызвать вопрос по ст. 3 Конвенции. Суд исследовал, был ли такой период содержания оправдан, были ли принятые меры необходимыми и соразмерными по сравнению с имеющимися альтернативами, какие гарантии были предоставлены заявителю и какие меры были приняты властями для обеспечения того, чтобы физическое и психическое состояние заявителя было совместимо с его продолжающимся одиночным заключением.</p> <p>145. Одиночное заключение не может быть назначено заключенному на неопределенный срок. Крайне важно, чтобы заключенный имел возможность обратиться в независимый судебный орган для рассмотрения существа и причин длительной меры одиночного заключения.</p> <p>146. Суд подчеркнул необходимость поиска альтернативных вариантов одиночного заключения для лиц, которые считаются опасными и для которых содержание в обычной тюрьме при обычном режиме считается нецелесообразным.</p> <p>147. В этой связи Суд отметил, что заявитель дважды переводился властями в нормальные тюремные условия, но из-за интервью, в котором не выразил раскаяния в отношении жертв своих преступлений, он был переведен в одиночное заключение. Эти действия, по мнению Суда, соответствовали характеру заявителя и той опасности, которую он представлял.</p>
<p><i>Dushka v. Ukraine, no. 29175/04, § 52, 3 February 2011</i></p>	<p>Вопрос. Нарушил ли допрос несовершеннолетнего без адвоката и уведомления родителей ст. 3 Конвенции?</p>	<p>52. Отсутствие у несовершеннолетнего, впервые признавшегося в ограблении, в ходе административного ареста процессуальных гарантий, таких как наличие адвоката, и отказ</p>

	<p>Факты. 17-летний Душка был задержан для допроса об ограблении и отпущен. В тот же день его задержали снова. Суд подверг его административному аресту. Решение было принято без уведомления его родителей или назначения адвоката. Душка указал, что сотрудники милиции в отделе били его, прикованного наручниками к батарее, пластиковой бутылкой с водой, а он терял сознание. Он без адвоката или родителей написал явку с повинной.</p>	<p>от признания после освобождения указывает на то, что признание, возможно, не было дано добровольно. Это в сочетании с неоднозначными обстоятельствами, связанными с задержанием и незаконностью его административного ареста, вызвало серьезные подозрения о том, что его задержали и поместили под стражу в качестве способа сломить моральное сопротивление и использовать уязвимое эмоциональное состояние для получения показаний, избобличающих его, независимо от применения физического насилия.</p>
<p><i>Gäfgen v. Germany [GC], no. 22978/05, § 108 ECHR 2010</i></p>	<p>Вопрос. Нарушила ли угроза физической пыткой, чтобы спасти жизнь ребенка, ст. 3 Конвенции? Факты. Заявитель, убивший 11-летнего мальчика, был задержан. Полагая, что мальчик еще жив, начальник полиции приказал подчиненным угрожать ему физической болью и, если нужно, подвергнуть пытке. Ему около 10 минут угрожали пыткой. Заявитель раскрыл местонахождение трупа, других улик, был приговорен к пожизненному лишению свободы. Полицейских приговорили к малому штрафу.</p>	<p>108. «...реальные и непосредственные угрозы с целью получения от заявителя информации достигли минимального уровня жестокости, чтобы отнести оспариваемое поведение к сфере действия ст. 3 Конвенции ...угроза применения пыток может быть приравнена к пытке, поскольку характер пыток охватывает как физическую боль, так и психические страдания. ...страх физических пыток сам по себе может представлять психологическую пытку.</p>
<p><i>Pijina and Sarulienė v. Lithuania, № 32293/05, § 47, 15 March 2011</i></p>	<p>Вопрос. С учетом того, что близкие члены семьи заявительниц были грубо задержаны полицией с применением силы (а также сами заявительницы получили травмы в ходе описываемых событий), подверглись ли заявительницы жестокому обращению? Факты. Заявительницы утверждали, что полиция пришла с обыском к их соседу. Он не открыл дверь, первая</p>	<p>47. Ст. 3 Конвенции относится не только к причинению физической боли, но и к психическим страданиям, которые вызваны созданием состояния страдания и стресса иными средствами, чем физическое насилие. ...трое задержанных мужчин были ближайшими членами семьи заявительниц... Не может быть никаких сомнений в том, что вид их избиения полицией (что касается первой заявительницы) и безуспешные</p>

	<p>заявительница, кутившая с родственниками на площадке, сказала, что они не могут входить в жилище без согласия. Сотрудник схватил ее брата и направил на него пистолет, позднее ее брат и отец были избиты полицией при ней. Она получила травму ноги при попытке загородить дверь, чтобы защитить маленькую дочь. Вторая заявительница, мать первой заявительницы, которой не сообщили, куда забирают ее сына и мужа, легла на капот машины, в которой они находились. Сотрудники полиции скинули ее с капота и сорвали с нее блузку, бросив ее бра в траву.</p>	<p>попытки получить информацию о причине их задержания (что касается второй заявительницы) запугали заявителем из-за произвольности ситуации и причинили им эмоциональный и психологический вред. В целом, учитывая телесные повреждения первой заявительницы и тот факт, что из-за них судебно-медицинский эксперт признал ее непригодной к работе в течение 9 дней, следы травм на теле второй заявительницы и тот факт, что они были свидетелями насилия со стороны полиции, Суд считает, что они подверглись жестокому обращению...</p>
<p><i>Hristovi v. Bulgaria, no. 42697/05, §§ 80, 82, 84, 11 October 2011</i></p>	<p>Вопросы. Была ли операция по задержанию в доме заявителей с участием малолетней проведена так, чтобы нарушить ст. 3 Конвенции? Какие доказательства необходимы для того, чтобы поставить проблему о психологически жестоком обращении?</p> <p>Факты. Г-н Христов, его жена и дочь утверждали, что сотрудники полиции в масках ворвались в дом, избивали г-на Христова и угрожали убить всех членов семьи. Один из них направил пистолет на г-жу Христову и ее 5-летнюю дочь, приказав ей заставить дочь замолчать. Впоследствии у ребенка было выявлено психическое расстройство.</p> <p>Суд учел, что утверждения о запугивании и угрозах убийством не были доказаны на национальном уровне, в том числе из-за неспособности властей допросить сотрудников полиции и свидетелей и общей неспособности</p>	<p>80. Психологическое испытание, которому предположительно подверглись заявители с учетом присутствия малолетнего в ходе операции по задержанию, в принципе может быть охарактеризовано как бесчеловечное и унижающее достоинство обращение... Ст. 3 не может быть ограничена актами физического жестокого обращения; оно также охватывает причинение психологических страданий. ... Психологические страдания могут быть результатом ситуации, в которой агенты государства намеренно вселяют страх в отдельных лиц, угрожая им убийством или жестоким обращением: иными словами, угрожают действиями, запрещенными ст. 2 и 3 Конвенции.</p> <p>82. Прокуратура заключила, что утверждения о запугивании и угрозах убийством не были доказаны. Суд признает, что ввиду ограниченного числа людей, присутствовавших на месте происшествия и характера этих утверждений, должно быть,</p>

	<p>провести эффективное расследование по делу.</p>	<p>было трудно представить убедительные доказательства, особенно учитывая, что во время расследования власти не установили личности и не допросили причастных сотрудников, отказались заслушать свидетелей по просьбе заявителей...</p> <p>84. ...заявители просили расследовать... поведение одного из вооруженных до зубов полицейских в маске, который предположительно выкрикивал угрозы убийством, направляя на них пистолет... Утверждения заявителей... содержали достаточный уровень детализации и были последовательными...</p>
<p><i>El Masri v. the Former Yugoslav Republic of Macedonia [GC], № 39630/09, §§ 202-203, 13 December 2012</i></p>	<p>Вопрос. Был ли заявитель, которого задержали в рамках секретной операции ЦРУ, подвергнут жестокому обращению?</p> <p>Факты. Заявитель, гражданин Германии, утверждал, что в 2003 г. был задержан на границе с Македонией и допрошен македонскими властями о связях с исламскими организациями. Его отвезли в гостиничный номер в Скопье, где держали 23 дня. Там за ним постоянно наблюдали и неоднократно допрашивали. Когда он заявил, что намерен уйти, к его голове приставили пистолет, угрожали убийством. 23 января 2004 г. его, закованного в наручники и с завязанными глазами, доставили в аэропорт Скопье. Там в одной из комнат его жестоко избивали, применили сексуальное насилие. Закованный в кандалы, с капюшоном, в полной сенсорной депривации, он был насильно препровожден к самолету ЦРУ, который окружили македонские</p>	<p>202. Касаясь эпизода содержания в отеле, Суд отметил, что ст. 3 Конвенции применяется не только в случае причинения физической боли, но и психических страданий в результате создания состояния страдания и стресса иными способами, чем физическое насилие. ...одиночное заключение заявителя в отеле напугало его из-за неопределенности о том, что с ним произойдет дальше, и, должно быть, вызвало у него эмоциональные и психологические страдания. Длительное пребывание в отеле сделало его совершенно уязвимым. Он, несомненно, жил в постоянном состоянии тревоги из-за неуверенности в своей судьбе во время допросов, которым его подвергали. Суд отмечает, что такое обращение было намеренно применено к заявителю с целью получения признания или информации о его предполагаемых связях с террористическими организациями. Кроме того, угроза того, что его застрелят, если он покинет гостиничный номер, была достаточно реальной и непосредственной, что само по себе может противоречить ст. 3 Конвенции.</p>

	<p>агенты безопасности. В самолете его бросили на пол, приковали цепями и насильно усыпили. Он был доставлен в Кабул, где его держали в плену 5 месяцев, после чего он был возвращен в Германию.</p>	<p>203. Страдания заявителя были еще более усугублены секретным характером операции и тем фактом, что его держали без связи с внешним миром в течение 23 дней в гостинице, чрезвычайном месте содержания под стражей вне каких-либо судебных рамок.</p>
<p><i>Gutsanovi v. Bulgaria, № 34529/10, §§ 134, 136, 15 October 2013</i></p>	<p>Вопросы. Нарушила ли операция по обыску в доме и задержанию заявителя в присутствии его жены и малолетних детей ст. 3 Конвенции?</p> <p>Факты. В доме г-на Гуцанова в присутствии его детей 5 и 7 лет и жены был проведен обыск, г-на Гуцанова задержали с применением силы.</p>	<p>134. ...есть конкретные, неоспоримые доказательства того, что г-жа Гуцанова и ее дочери очень серьезно пострадали от этих событий. Г-жа Гуцанова дважды консультировалась с психиатром, жалуясь на бессонницу и острую тревогу, ей были назначены транквилизаторы. Психиатр заметил, что, вспоминая события, девочки реагировали плачем или проявляли острую тревогу, а одна из них стала заикаться. Заявления тети, учителя старшей дочери показали, что на нее глубоко повлияла операция и задержание отца.</p> <p>135. ...г-н Гуцанов не представил никаких медицинских доказательств [неблагоприятных психологических последствий]. Он указал, что унижение и беспокойство, которые он испытал в ходе жестокой операции по задержанию в присутствии семьи, были достаточно сильными, чтобы поставить вопрос по ст. 3 Конвенции.</p> <p>136. ... планирование и проведение операции без учета характера уголовных преступлений, в совершении которых он подозревался, отсутствие угрозы для других с его стороны и возможное присутствие его жены и дочерей в их доме указывали на чрезмерный характер развертывания операции и специальных процедур для его задержания и представления возможности полиции войти в дом. ...его задержание рано утром несколькими вооруженными сотрудниками в масках,</p>

		<p>которые ворвались в дом через дверь и под испуганным взглядом жены и маленьких дочерей, - вызвал у него сильные чувства страха, тоски и бессилия, способные унижить и оскорбить его в его собственных глазах и в глазах его близких.</p>
<p><i>Husayn (Abu Zubaydah) v. Poland, № 7511/13, §§ 509-510, 24 July 2014</i></p>	<p>Вопрос. Несет ли Польша ответственность за методы психологического насилия и жестокое обращение, примененные ЦРУ в секретных учреждениях на ее территории?</p> <p>Факты. Из-за событий 11 сентября 2001 г. США создали специальную программу под руководством ЦРУ, в рамках которой подозреваемые в терроризме подвергались специальному допросу и содержанию под стражей. Программа предполагала сотрудничество с другими странами. Польша разрешила перевозку подозреваемых в терроризме через свою территорию, их содержание под стражей в секретном учреждении. Заявитель как «особо ценный заключенный» содержался в секретном учреждении в Польше около 9 месяцев.</p>	<p>509-510. ...заключенные в ходе содержания заявителя в Польше подверглись по меньшей мере 6 мерам: завязывание глаз, надевание капюшонов, одиночное заключение, постоянный шум, непрерывный свет и ножные кандалы.</p> <p>...обращение <i>до передачи в Польшу</i> следует учитывать при оценке обращения, которому заявитель впоследствии подвергся: пытки водой, избиение с помощью специального ошейника, содержание в ящике, воздействие низкой температуры и лишение пищи. И хотя, по мнению Суда, на начальном этапе его содержания в Польше к нему не обязательно применялись наиболее агрессивные меры физического воздействия, заявитель был подвергнут чрезвычайно жесткому режиму содержания под стражей и постоянному эмоциональному и психологическому стрессу, вызванному прошлым опытом и страхом за будущую судьбу. Таким образом, ст. 3 относится не только к причинению физической боли, но и к психическим страданиям, которые причиняются путем создания состояния страдания и стресса иными способами, чем физическое насилие.</p>
<p><i>Al Nashiri v. Poland, no. 28761/11, § 515, 24 July 2014</i></p>	<p>Вопрос. Несет ли Польша ответственность за жестокое обращение с заявителем, учитывая, что он содержался в секретном месте на ее территории в рамках программы ЦРУ?</p> <p>Факты. Из-за событий 11 сентября 2001</p>	<p>515. Все меры были применены преднамеренно и организовано, специально разработаны для получения информации или признаний или получения разведанных от... подозреваемых в терроризме. Эти – явно заявленные – цели заключались, прежде всего,</p>

	<p>г. США создали программу под руководством ЦРУ, в рамках которой подозреваемые в терроризме подвергались специальному допросу и содержанию под стражей. Польша разрешила перевозку подозреваемых в терроризме через свою территорию и их содержание под стражей в секретном учреждении. Заявитель как «особо ценный заключенный» содержался в секретном учреждении в Польше в течение 6 месяцев. Он был подвергнут имитации казни, длительному положению в стрессовом состоянии и угрозам задержания и жестокого обращения с членами его семьи.</p>	<p>в том, чтобы «психологически» «вывести из равновесия» задержанного, максимально усилить его чувство уязвимости и беспомощности, ослабить или устранить его волю к сопротивлению...»; «убедить особо ценных задержанных своевременно предоставлять информацию об угрозах и разведанные о террористах»; «создать состояние выученной беспомощности и зависимости»; основная концепция заключалась в «использовании как физического, так и психологического давления всеобъемлющим, систематическим и совокупным образом для воздействия на... поведение, чтобы преодолеть позицию сопротивления задержанного».</p>
<p><i>Zherdev v. Russia, № 34015/07, §§ 86, 93, 27 April 2017</i></p>	<p>Вопрос. Являлось ли разделение несовершеннолетнего и оставление его в камере с взрослыми нарушением ст. 3 Конвенции.</p> <p>Факты. 16-летний заявитель был допрошен в отделе милиции в связи с расследованием убийства. Его оставили в нижнем белье в наручниках на несколько часов, а затем поместили в камеру со взрослыми.</p>	<p>86. Жестокое обращение может оказать большее воздействие - особенно в психологическом плане – на несовершеннолетнего. Сотрудникам правоохранительных органов, которые контактируют с несовершеннолетними при исполнении обязанностей, жизненно важно должным образом учитывать уязвимость, присущую их молодому возрасту. Они должны проявлять большую бдительность и самоконтроль при обращении с несовершеннолетними.</p> <p>93. ...ситуация несовершеннолетнего, впервые столкнувшегося с системой уголовного правосудия, оставленного в наручниках и почти без одежды по меньшей мере на 2,5 часа в состоянии неопределенности и уязвимости, может рассматриваться как поднимающая вопрос по ст. 3 Конвенции. ...помещение заявителя к взрослым заключенным, которое последовало сразу же и которое было нарушением внутреннего законодательства,</p>

		<p>должно было способствовать возникновению у него чувства страха, тоски, беспомощности и неполноценности, умаления его достоинства.</p>
<p><i>Ioan Pop and Others v. Romania, no. 52924/09, § 61-63, 6 December 2016</i></p>	<p>Вопрос. Было ли оставление ребенка в одиночестве после задержания его родителей таким, чтобы нарушить ст. 3 Конвенции?</p> <p>Факты. Первые два заявителя были родителями третьего заявителя. Они были выселены по решению властей. Первый заявитель решительно сопротивлялся выселению, но оно продолжалось. Первый и второй заявители были доставлены в полицию, в то время как третий заявитель предположительно оставался один в течение нескольких часов без присмотра взрослых.</p>	<p>61. ...ребенку было 12 лет, и он был свидетелем полицейской операции, в ходе которой его отца обездвигили и надели наручники, а его родителей отвезли в полицию. ...учитывая его возраст и присутствие в ходе полицейского вмешательства, где применяли силу в отношении его отца, третий заявитель был уязвим, что должно было быть учтено национальными властями.</p> <p>62. ...вмешательство полиции было подготовлено заранее и присутствие ребенка на месте происшествия не стало неожиданностью... При подготовке вмешательства никаких мер в отношении ребенка не принималось. ...Суд с пониманием относится к аргументу о том, что меры по помещению в специальные учреждения были бы необоснованными и несоразмерными, но напоминает, что власти конкретно не рассматривали вопрос о передаче ребенка частному лицу, которому он был доверен, которого он знал и который был готов заботиться о нем во время отсутствия его родителей.</p> <p>63. ...нет никаких указаний на то, что власти позаботились о том, чтобы объяснить ребенку причины, по которым вмешалась полиция, и его родителей отвезли в полицию или что ожидало их в рамках официальных процедур. ...власти не могли игнорировать психологические последствия, которые могут возникнуть у ребенка в результате спорного инцидента. В этой связи Суд принимает к сведению</p>

		<p>утверждения заявителя о том, что он страдает эмоциональными расстройствами и заиканием. Однако ранее Суд указывал, что сильные чувства страха, тревоги и беспомощности у заявителей, которые могут унижить их в их собственных глазах и глазах их близких, могут рассматриваться как обращение, противоречащее ст. 3 Конвенции.</p>
<p><i>Abu Zubaydah v. Lithuania, № 46454/11, § 640, 31 May 2018</i></p>	<p>Вопрос. Несет ли Литва ответственность за жестокое обращение с заявителем, учитывая, что он содержался в секретном месте на ее территории в рамках программы ЦРУ?</p> <p>Факты. Заявитель утверждал, что Литва знала о том, что с 17 или 18 февраля 2005 г. по 25 марта 2006 г. он содержался ЦРУ под стражей в секретном месте на ее территории, где подвергся жестокому обращению.</p>	<p>640. ...в целом он подвергся чрезвычайно жесткому режиму, включая практически полную сенсорную изоляцию от внешнего мира, и страдал от постоянных эмоциональных и психологических расстройств и беспокойства, вызванных прошлым опытом пыток и жестокого обращения в руках ЦРУ и страхом за свою будущую судьбу. Хотя в то время он, по-видимому, не подвергался допросам с применением самых жестких методов, заявитель, предварительно испытав самые жестокие пытки, неизбежно столкнулся с постоянным страхом, что, если он не «подчинится», предыдущее жестокое обращение в любой момент будет применено к нему. Ст. 3 Конвенции относится не только к причинению физической боли, но и к психическим страданиям, которые причиняются путем создания состояния страдания и стресса иными способами, чем физическое насилие.</p>
<p><i>A v. Russia, no. 37735/09, §§ 56, 67, 12 November 2019</i></p>	<p>Вопрос. Может ли применение силы к лицу в присутствии малолетнего заявителя нарушать ст. 3 Конвенции?</p> <p>Факты. 9-летняя девочка стала свидетелем насильственного задержания отца, хотя тот не оказал никакого сопротивления. Впоследствии у нее был выявлен ряд заболеваний, включая неврологическое расстройство, энурез и</p>	<p>56. Возможное присутствие детей на месте задержания, юный возраст которых делает их психологически уязвимыми, является фактором, который следует учитывать при планировании и проведении такого рода операций.</p> <p>67. Интересы заявительницы, которой в то время было 9 лет, не принимались во внимание ни на одном этапе планирования и</p>

	<p>ПТСР. Суд заключил, что власти не справились с позитивным обязательством предотвратить жестокое обращение с ней.</p>	<p>проведения властями операции в отношении ее отца. Сотрудники полиции не обратили внимания на ее присутствие, о котором они хорошо знали, продолжая операцию и подвергая ее сцене насилия в отношении ее отца при отсутствии какого-либо сопротивления с его стороны.</p>
<p><i>Elberte v. Latvia, no. 61243/08, §§ 140-143, ECHR 2015</i></p>	<p>Вопрос. Могут ли эмоциональные страдания, вызванные удалением тканей с тела умершего мужа заявительницы без ее ведома или согласия, быть достаточно серьезными, чтобы нарушить ст. 3 Конвенции? Факты. После смерти мужа заявительницы в автомобильной аварии ткани были удалены из его тела во время вскрытия и отправлены в фармацевтическую компанию в Германии для создания биоимплантатов в соответствии с одобренным государством соглашением. Когда тело мужа было возвращено заявительнице после завершения вскрытия, его ноги были связаны. Она узнала об изъятии ткани только 2 года спустя в ходе уголовного расследования утверждений о широкомасштабном незаконном изъятии органов и тканей у трупов. Срок привлечения к уголовной ответственности виновных истек.</p>	<p>140. Страдания заявительницы имели масштабы и характер, выходящие за рамки страданий, причиненных горем после смерти близкого члена семьи. ...структурные недостатки, которые преобладали в области трансплантации органов и тканей в Латвии... должны приниматься во внимание. Суд отметил, что неопределенность о необходимости согласия при изъятии органов стали причиной... пренебрежения властей при расследовании по отношению к жертвам этих действий и их близким родственникам. Это ...способствовало возникновению чувства беспомощности заявительницы перед лицом нарушения ее личных прав..., касающихся дачи согласия или отказа по удалению тканей, и были связаны с невозможностью получения компенсации. 141. Страдания заявительницы усугублялись тем фактом, что она не была проинформирована о том, что было сделано. Она не была проинформирована об удалении тканей и, обнаружив, что ноги ее покойного мужа были связаны вместе, предположила, что это следствие аварии. 2 года спустя она была проинформирована о расследовании и возможно незаконных действиях в отношении тела ее мужа. Очевидно, что в этот момент заявительница испытала особую боль и осознала, что ее муж, возможно, был похоронен со связанными ногами в результате</p>

<p><i>Kurt v. Turkey, 25 May 1998, §§ 133-134, Reports of Judgments and Decisions 1998-III</i></p>	<p>Вопрос. Может ли близкий родственник жертвы насильственного исчезновения быть отдельной жертвой нарушения ст. 3 Конвенции?</p> <p>Факты. Заявительница в числе прочего утверждала, что видела своего сына в окружении солдат и деревенской стражи в деревне, он был задержан и после этого бесследно исчез. Она жаловалась на то, что страдания, причиненные ей насильственным исчезновением сына, достигли минимального уровня жестокости по смыслу ст. 3 Конвенции, и она стала самостоятельной жертвой нарушения этой статьи.</p>	<p>действий, которые были проведены над телом.</p> <p>133. ...Суд напоминает, что заявительница обратилась к прокурору через несколько дней после исчезновения ее сына в твердой уверенности, что он был взят под стражу. Она была свидетелем его задержания в деревне своими глазами, и его неявка с момента последнего наблюдения заставила ее опасаться за его безопасность, о чем свидетельствуют ее ходатайства от 30 ноября и 15 декабря 1993 г. Однако государственный обвинитель не придавал серьезного значения ее жалобе, предпочтя принять за чистую монету предположение жандармов о том, что ее сын был похищен РПК. В результате она осталась с болью, узнав, что ее сын был задержан и что существует полное отсутствие официальной информации о его дальнейшей судьбе. Эта мука длилась в течение длительного периода времени.</p> <p>134. Принимая во внимание обстоятельства и тот факт, что заявительница была матерью жертвы нарушения прав человека и сама стала жертвой самодовольства властей перед лицом ее страданий и мучений, Суд считает, что государство-ответчик нарушило ст. 3 Конвенции в отношении заявительницы.</p>
<p><i>Çakıcı v. Turkey [GC], no. 23657/94, §§ 98-99, ECHR 1999-IV</i></p>	<p>Вопрос. Может ли близкий родственник жертвы насильственного исчезновения быть отдельной жертвой нарушения ст. 3 Конвенции?</p> <p>Факты. Заявитель в числе прочего утверждал, что его брат (по мнению Турции, член РПК) был задержан турецкими властями, после чего бесследно исчез. Он жаловался на то, что страдания, причиненные ему насильственным исчезновением брата,</p>	<p>98. Является ли член семьи такой жертвой, будет зависеть от наличия особых факторов, которые придают страданиям заявителя измерение и характер отличные от эмоционального расстройства, которое может рассматриваться как неизбежно причиняемое родственникам жертвы серьезного нарушения прав человека. Соответствующие элементы будут включать близость семейных уз – в этом контексте определенный вес будет придаваться связи между родителями и</p>

	<p>достигли минимального уровня жестокости по смыслу ст. 3 Конвенции, и он стал самостоятельной жертвой нарушения этой статьи.</p>	<p>детьми, особые обстоятельства отношений, степень, в которой член семьи был свидетелем рассматриваемых событий, участие члена семьи в попытках получить информацию об исчезнувшем человеке и о том, как власти отреагировали на эти запросы. Суть такого нарушения заключается не столько в факте «исчезновения» члена семьи, сколько в реакции и отношении властей к ситуации, когда она доводится до их сведения. Особенно в отношении последнего родственник может прямо заявить, что он стал жертвой действий властей.</p> <p>99. Заявитель не присутствовал, когда силы безопасности забрали брата. Хотя он был вовлечен в подачу различных ходатайств и запросов властям, он не нес на себе основную тяжесть этой задачи, его отец проявлял инициативу.... До Суда не были доведены отягчающие обстоятельства, вытекающие из реакции властей. Суд не усматривает особенностей, которые оправдывали бы установление дополнительного нарушения ст. 3 Конвенции в отношении самого заявителя.</p>
<p>Hasan İlhan v. Turkey, no. 22494/93, §§ 107-108, 9 November 2004</p>	<p>Вопрос. Может ли считаться достигающим минимального уровня жестокости по смыслу ст. 3 Конвенции сожжение дома заявителя агентами властей на его глазах и его последующее вынужденное переселение?</p> <p>Факты. Г-н Ильхан утверждал, что в 1992 г. турецкие военные разрушили дома и подожгли землю [в деревне], уничтожив посевы и деревья и вынудив жителей деревни уйти.</p> <p>Турция заявила, что в 1992 г. военные провели в Ахметли операцию по защите жизни и имущества жителей деревни от</p>	<p>107. Суд отмечает, что поджог дома заявителя лишил его и его семью крова и поддержки и вынудил их покинуть место, где они и их друзья жили.</p> <p>108. Суд считает, что разрушение дома и имущества заявителя, а также страх и страдания, перенесенные членами его семьи, должны были причинить ему страдания достаточной тяжести, чтобы действия сил безопасности можно было квалифицировать как бесчеловечное обращение по смыслу ст. 3 Конвенции.</p>

	РПК и что семья г-на Ильхана покинула деревню, когда в убежище, принадлежащем члену семьи, было обнаружено оружие, которое использовалось при ряде убийств.	
<i>Mubilanzila Mayeka and Kaniki Mitunga v. Belgium, no. 13178/03, § 69, ECHR 2006-XI</i>	<p>Вопрос. Является ли депортация малолетней без сопровождения нарушающей ст. 3 Конвенции для малолетней и ее матери?</p> <p>Факты. Бельгийские власти задержали в аэропорту 5-летнего ребенка, который летел из Демократической Республики Конго со своим дядей без проездных документов. Целью поездки было воссоединение ребенка, отец которого исчез, с матерью в Канаде. Ребенок был задержан в транзитном центре для взрослых, и было принято решение об отказе во въезде в Бельгию и о ее высылке. Судья постановил, что содержание ребенка под стражей несовместимо с Конвенцией о правах ребенка, и распорядился о ее немедленном освобождении. На следующий день ребенок был депортирован в Демократическую Республику Конго. В аэропорт ее сопровождал социальный работник, а в самолете присматривала стюардесса. Ее близкие не ждали ее, когда она приехала.</p>	<p>69. Суд считает, что депортация второй заявительницы в таких условиях должна была вызвать у нее крайнее беспокойство и продемонстрировала полное отсутствие гуманности по отношению к кому-либо ее возраста и в ее положении несопровожденного несовершеннолетнего, что равносильно бесчеловечному обращению. Суд считает, что, депортировав ее, бельгийское государство нарушило свои позитивные обязательства по принятию необходимых мер и мер предосторожности.</p> <p>70. Что касается первой заявительницы, ...Суд, в частности, отмечает, что бельгийские власти не потрудились сообщить ей о депортации дочери, она узнала, что произошло, когда попыталась связаться с ней по телефону после того, как депортация состоялась. Суд не сомневается, что это вызвало у нее глубокое беспокойство. Пренебрежение, проявленное таким поведением к ее чувствам, и доказательства в материалах дела приводят Суд к выводу, что... был достигнут необходимый порог жестокости для того, чтобы ст. 3 Конвенция была нарушена.</p>
<i>Vakayeva and Others v. Russia, no. 2220/05, § 172, 10 June 2010</i>	<p>Вопрос. Достиг ли уровень страданий родственников жертвы насильственного исчезновения достаточно серьезного уровня, чтобы считать их жертвами отдельного нарушения ст. 3 Конвенции?</p> <p>Факты. Заявители жаловались на то, что их родственники были похищены</p>	<p>172. Суд отмечает, что заявители - близкие родственники 5 пропавших без вести лиц. В течение 9 лет они не получали известий о своих близких. Кроме того, первая заявительница не получала известий от своего мужа более 5 лет. Заявители обращались в различные официальные органы с запросами о</p>

	<p>агентами властей и стали жертвами насильственного исчезновения. В связи с этим заявители полагали, что сами стали жертвами нарушения ст. 3 Конвенции.</p>	<p>родственников, как в письменной форме, так и лично. Несмотря на их попытки, они так и не получили никакого правдоподобного объяснения или информации о том, что стало с пропавшими мужчинами после их похищения.</p>
<p><i>Palić v. Bosnia and Herzegovina, no. 4704/04, § 75, 15 February 2011</i></p>	<p>Вопрос. Утратила ли заявительница статус жертвы ст. 3 Конвенции, учитывая, что расследование по факту насильственного исчезновения ее мужа было, в итоге, проведено и она получила компенсацию?</p> <p>Факты. В 1995 г. в ходе войны в Боснии и Герцеговине муж заявительницы, командир в «зоне безопасности» ООН, исчез. В 1999 г. Палата по правам человека постановила, что он стал жертвой насильственного исчезновения. В 2001 г. власти признали, что он содержался в военной тюрьме примерно в течение месяца после исчезновения, а затем был уведен сотрудником безопасности. Через 6 месяцев суд Боснии и Герцеговины выдал международный ордер на арест офицеров ВРС, которые приняли сербское гражданство и не могли быть выданы. Третье лицо, возможно причастное к исчезновению и мужа заявительницы, было задержано и переведено в тюрьму МТБЮ. Тело было обнаружено в 2009 г. Она получила компенсацию.</p>	<p>75. Суд отмечает, что заявительница получила первую официальную информацию о судьбе мужа более чем через 5 лет после исчезновения. Было установлено, что он стал жертвой насильственного исчезновения... Заявительница получила компенсацию морального вреда. Определенное значение следует придавать тому факту, что его останки были идентифицированы и что в конечном итоге было проведено независимое и эффективное уголовное расследование, хотя и с некоторыми задержками. Следовательно, хотя нет никаких сомнений в том, что заявитель страдал и продолжает страдать из-за этого дела, Суд считает, что реакция властей не может быть квалифицирована как бесчеловечное и унижающее достоинство обращение.</p>
<p><i>Velkhiyev and Others v. Russia, no. 34085/06, § 137, 5 July 2011</i></p>	<p>Вопрос. Достиг ли уровень страданий родственников жертвы насильственного исчезновения достаточно серьезного уровня, чтобы считать их жертвами отдельного нарушения ст. 3 Конвенции?</p> <p>Факты. Заявители жаловались на то,</p>	<p>137. Суд отмечает, что... заявители являются женой и детьми Вельхиева, которого люди в камуфляжной форме забрали из дома утром 20 июля 2004 г. и о смерти которого они узнали 21 июля 2004 г. Он отмечает, что это дело отличается от большинства других дел об</p>

	<p>что их родственники стали жертвами насильственного исчезновения. В связи с этим заявители полагали, что сами стали жертвами нарушения ст. 3 Конвенции.</p>	<p>исчезновениях, которые были переданы на рассмотрение Суда, тем, что родственники Вельхьева не имели о нем известий не более 24 часов. ...он не мог считаться «исчезнувшим лицом» для целей настоящего анализа. Суд считает, что в настоящем деле не возникает никаких отдельных вопросов в соответствии с ст. 3 Конвенции.</p>
<p><i>Salakhov and Islyamova v. Ukraine, no. 28005/08, § 204, 14 March 2013</i></p>	<p>Вопрос. Достиг ли уровень страданий родственников жертвы насильственного исчезновения достаточно серьезного уровня, чтобы считать их жертвами отдельного нарушения ст. 3 Конвенции?</p> <p>Факты. Мать жертвы (второго заявителя до его смерти в 2008 г.) утверждала, что ее сын, будучи ВИЧ-положительным, скончался в результате неоказания ему медицинской помощи при нахождении под стражи. Она жаловалась на то, что страдания, причиненные ей этим фактом, достигли минимального уровня жестокости по смыслу ст. 3 Конвенции, и он стал самостоятельной жертвой нарушения этой статьи.</p>	<p>204. В целом, Суд усматривает в настоящем деле ряд факторов, которые в совокупности указывают на нарушение прав второго заявителя в соответствии со ст. 3 Конвенции. В частности: родительско-детская связь между ней и первым заявителем; активность ее усилий по спасению его жизни или, по крайней мере, облегчению его страданий; циничное, равнодушное и жестокое отношение к ее обращениям, продемонстрированное властями как до смерти первого заявителя, так и во время последующего расследования; тот факт, что второй заявительнице пришлось стать свидетельницей медленной смерти ее сына, не имея возможности ему как-либо помочь; и, наконец, продолжительность присущих ей страданий в течение примерно трех месяцев.</p>
<p><i>Tarak and Depe v. Turkey, no. 70472/12, § 79, 9 April 2019</i></p>	<p>Вопрос. Достигли ли страдания родственника лица, которому не оказывалась надлежащая медицинская помощь при содержании под стражей (что привело к смерти лица) такого уровня, чтобы считать родственника жертвой отдельного нарушения ст. 3 Конвенции?</p> <p>Факты. Вечером в 2001 г. сотрудники милиции, расследующие кражу, посетили дом заявителей и их соседей в поисках подозреваемых. Первая</p>	<p>79. Суд... отметил отсутствие надлежащей реакции властей на присутствие заявителя в помещении отдела полиции с точки зрения п. 1 ст. 5 Конвенции и пришел к выводу о нарушении этого положения. Он не сомневается в том, что заявительница как мать испытывала беспокойство в связи с тем, что ее 8-летний сын был под стражей. Однако... порог серьезности, требуемый ст. 3 Конвенции, не был достигнут.</p>

	<p>заявительница отсутствовала, доверив ребенка соседке. По словам первой заявительницы, сотрудники, задержавшие соседа, забрали ребенка. Утром мать задержали. Она утверждала, что ребенок спал на столе, когда она прибыла в отдел. После допроса она покинула его с ребенком.</p>	
<p><i>Janowiec and Others v. Russia [GC], nos. 55508/07 and 29520/09, § 186, ECHR 2013</i></p>	<p>Вопрос. Достиг ли уровень страданий родственников жертв достаточно серьезного уровня, чтобы считать их жертвами отдельного нарушения ст. 3 Конвенции?</p> <p>Факты. Заявители были родственниками польских офицеров и чиновников, которые содержались в советских лагерях или тюрьмах после вторжения в Польшу в сентябре 1939 г. и которые позже были убиты советской тайной полицией без суда и следствия вместе с более чем 21 000 другими лицами в апреле и мае 1940 г. Жертвы были похоронены в братских могилах в Катынском лесу. Расследование массовых убийств было начато в 1990 г., но прекращено в 2004 г. Текст решения о прекращении расследования оставался засекреченным. Их неоднократные просьбы получить доступ к решению и рассекретить гриф «совершенно секретно» постоянно отклонялись российскими судами.</p>	<p>186. Суд не ставит под сомнение глубокое горе и страдания, которые испытали заявители в результате внесудебной казни членов их семьи... Прецедентное право Суда... гласит, что страдания членов семьи «исчезнувшего лица», которым приходится проходить через длительный период чередования надежды и отчаяния, могут оправдать установление отдельного нарушения ст. 3 из-за особенно бессердечного отношения властей к запросам информации. Что касается настоящего дела, юрисдикция Суда распространяется только на период, начинающийся с 5 мая 1998 г., с даты вступления Конвенции в силу в отношении России. Суд установил, что с этой даты нельзя сказать, что сохранялась какая-либо... неопределенность относительно судьбы польских военнопленных. Хотя не все тела были найдены, их смерть была публично признана советскими и российскими властями и стала установленным историческим фактом. Масштабы преступления, совершенного в 1940 г. советскими властями, являются мощным эмоциональным фактором, однако, с чисто юридической точки зрения, Суд не может принять это в качестве веской причины для отступления от практики в отношении статуса членов семей «исчезнувших лиц» как жертв нарушения ст. 3 Конвенции и присвоения такого статуса заявителям, для которых смерть</p>

		родственников была неизбежной.
<p><i>Saribekyan and Balyan v. Azerbaijan, no. 35746/11, § 90, 30 January 2020</i></p>	<p>Вопрос. Достиг ли уровень страданий родственников жертв достаточно серьезного уровня, чтобы считать их жертвами отдельного нарушения ст. 3 Конвенции?</p> <p>Факты. Заявители утверждали, что азербайджанские власти пытали его сына и убили его. В связи с этим заявители утверждали, что они стали жертвами отдельного нарушения ст. 3 Конвенции из-за психических страданий, перенесенных ими из-за обстоятельств смерти сына.</p>	<p>90. После исчезновения сын заявителей был пропавшим без вести в течение 2 дней. Впоследствии прошло около 3 недель, прежде чем было объявлено о его смерти. Через месяц после его смерти его тело было передано. В то время как напряженные отношения между Азербайджаном и Арменией, несомненно, были усугубляющим фактором, вызывающим эмоциональный стресс у заявителей, упомянутые периоды времени, в частности первый, в течение которого заявители не знали о местонахождении своего сына, сам по себе не кажется длительным. Верно, как было заключено выше, что азербайджанское расследование его смерти было неэффективным и не касалось ни заявителей, ни властей Армении. Следовательно, события, приведшие к смерти их сына, не были полностью выяснены, и никто не был привлечен к ответственности за его жестокое обращение и смерть. Однако Суд не считает, что этот элемент поднимает проблему, отличную от вышеупомянутого вывода о том, что расследование включало нарушение процессуального аспекта ст. 2 Конвенции. Более того, отмечая, в частности, что заявители не были свидетелями ни одного из рассматриваемых событий,... в деле нет специфической черты, которая придавала бы страданиям заявителей измерение и характер, отличное от эмоционального расстройства, которое может рассматриваться как неизбежно причиняемое родственникам жертвы серьезного нарушения прав человека.</p>

<p><i>Petrosyan v. Azerbaijan, no. 32427/16, § 74, 4 November 2021</i></p>	<p>Вопрос. Достиг ли уровень страданий родственников жертв достаточно серьезного уровня, чтобы считать их жертвами отдельного нарушения ст. 3 Конвенции?</p> <p>Факты. 7 августа 2014 года сын заявителя пересек границу Азербайджана и был захвачен азербайджанскими вооруженными силами. Он умер, находясь в плену. Тело было возвращено заявителю лишь спустя 2 месяца в сильно разложившемся состоянии и после его неоднократных просьб, в том числе обращения в Суд с прошением по 39 Правилу о принятии срочных мер.</p>	<p>74. Тело сына заявителя было репатрировано только через два месяца после его смерти. Тем временем заявитель предпринял различные меры, в том числе обратился в Суд (см. п. 9 выше). Когда труп был наконец возвращен, он находился в сильно разложившемся состоянии, внутренние органы отсутствовали, наблюдалось разделение шейных позвонков позвоночника, а подъязычная кость не была найдена (см. п. 16 и 18 выше).</p> <p>75. В свете этих конкретных обстоятельств, которые в данном случае являются дополнением к неспособности расследовать обстоятельства смерти сына заявителя, Суд указал, что моральные страдания заявителя достигли размеров и характера, отличных от эмоционального расстройства, которое может быть рассматриваться как неизбежно причиненный родственникам жертвы серьезного нарушения прав человека. Соответственно, Суд приходит к выводу, что нарушена ст. 3 Конвенции в отношении заявителя.</p>
--	--	--

Решение договорного органа ООН	Рассматриваемый вопрос и факты дела	Основное
<p>Miguel Angel Estrella v. Uruguay, no. 74/1980, §§ 1.6, 8.3, HRC 1983</p>	<p>Автор индивидуального сообщения, аргентинский пианист, был заключен в тюрьму в Уругвае и подвергнут пыткам в 1977 г. После освобождения эмигрировал во Францию.</p>	<p>1.6 «Пытки состояли из ударов электрическим током, избиений резиновыми дубинками, ударов руками и ногами, подвешивания нас со связанными за спиной руками, заталкивания нас в воду, пока мы почти не задохнулись, заставляя нас стоять с расставленными ногами и поднятыми руками до 20 часов, а также психологических пыток. Последнее состояло главным образом в угрозах пыток или насилия в отношении родственников или друзей или отправки в Аргентину для</p>

		<p>казни, в угрозах сделать нас свидетелями пыток друзей и вызвать у нас состояние галлюцинации, в котором мы думали, что можем видеть и слышать вещи, которые не были реальными. В моем случае их точкой сосредоточения были мои руки. В течение нескольких часов подряд они подвергали меня имитационной ампутации электропилой, говоря мне: «Мы собираемся сделать с тобой то же самое, что и с Виктором Хара». Среди последствий, от которых я страдал в результате, была потеря чувствительности обеих рук и кистей на 11 месяцев, дискомфорт, который все еще сохраняется в большом пальце правой руки, и сильная боль в коленях. Я сообщил об этом факте нескольким военным медикам в казармах и в тюрьме «Либертад».</p> <p>8.3 15 декабря 1977 г., когда автор собирался покинуть Уругвай, он и его друг Луис Браconi были похищены в его доме в Монтевидео примерно 15 хорошо вооруженными лицами в гражданской одежде. Их привели с завязанными глазами в место, где узнал голоса Ракель Одассо и Луизаны Оливеры. Там автор был подвергнут жестоким физическим и психологическим пыткам, включая угрозу того, что автору отрежут руки электропилой, в попытке заставить его признаться в подрывной деятельности. Это жестокое обращение имело длительные последствия, особенно для его рук и кистей.</p>
<p>Quinteros v. Uruguay, no. 107/91, §§ 1.9, 14, HRC 1983</p>	<p>Автор жаловалась на то, что ее дочь Елена Кинтерос была задержана уругвайскими силами безопасности и впоследствии подверглась насильственному исчезновению. Мать</p>	<p>1.9 Автор утверждает, что в отношении ее дочери были нарушены ст. 7, 9, 10, 12, 14, 17, 19 Пакта. Она добавляет, что сама является жертвой нарушений ст. 7 (психологические пытки, поскольку не знает, где находится ее</p>

	жаловалась также на то, что она сама подверглась психологической пытке в связи с тем, что она так и не узнала, где находится ее дочь.	дочь) и ст. 17 Пакта из-за вмешательства в ее частную и семейную жизнь. 14. Что касается нарушений, заявленных автором от своего имени, то Комитет отмечает, что заявление автора о том, что она была в Уругвае во время инцидента, связанного с дочерью, не было опровергнуто государством-участником. Комитет понимает страдания и стресс, причиненные матери исчезновением ее дочери и сохраняющейся неопределенностью в отношении ее судьбы и местонахождения. Автор имеет право знать, что случилось с ее дочерью. В этом отношении она тоже является жертвой нарушения Пакта, от которых пострадала ее дочь, в частности ст. 7.
Natalia Schedko v. Belarus, no. 886/99, § 9.4, HRC 2003	Из материалов дела следовало, что автор сообщения не получила информации о дате казни своего сына и месте его захоронения, что предположительно могло нарушить ст. 7 Пакта в отношении автора.	9.4 ... утверждение автора о том, что власти не сообщили ни через осужденного заключенного, ни непосредственно его семье о дате казни, о точном местонахождении места захоронения сына, равносильно нарушению ст. 7 Пакта...
Tatyana Krasnova v. Kyrgyzstan, 1402/2005, § 7.4, HRC 2011	Автор утверждала, что ее сын подвергся физическому и психологическому давлению, чтобы заставить дать показания против себя. Она утверждала, что затянувшееся и недобросовестное судебное разбирательство, которому ее несовершеннолетний сын подвергался в течение почти 5 лет, будучи трижды оправданным и трижды признанным виновным по одному и тому же уголовному делу, негативно сказалось на его учебе, поведении и общественном развитии и представляло собой форму психологической пытки в нарушение ст. 7 Пакта.	7.4 Что касается утверждения автора в соответствии со ст. 7 Пакта о том, что затянувшееся и недобросовестное разбирательство, которому ее несовершеннолетний сын подвергался в течение почти 5 лет, представляло собой форму психологической пытки, Комитет отмечает, что оно касается главным образом вопросов, непосредственно связанных с вопросами, подпадающими под действие п. 3 с) ст. 14 Пакта, то есть право быть судимым без неоправданной задержки. Комитет постановляет, что нет необходимости отдельно рассматривать одно и то же утверждение в соответствии со ст. 7 Пакта.
Dalisa Dovadzija and Sakiba Dovdzija v.	Авторы утверждали, что их родственник	11.8 Комитет принимает к сведению

<p>Bosnia and Herzegovina, no. 2143/2012, § 11.8, HRC 2015</p>	<p>был похищен в 1992 г. и с тех пор и его местонахождение остается неизвестным. Авторы утверждают о нарушении Боснией и Герцеговиной ст. 6, 7, 9, 10 и 16 в сочетании со ст. 2(3) Пакта в отношении их родственника. Они также утверждают, что сами являются жертвами нарушения ст. 7... Пакта</p>	<p>утверждение авторов о том, что они были жертвами повторной виктимизации на протяжении 20 лет их борьбы за выяснение судьбы и местонахождения мужа и отца. Комитет отмечает различные примеры: а) во время первой эксгумации, проведенной в 1996 г., С. Доваджия была убеждена, что она опознала одно из тел как тело мужа, однако власти не приняли во внимание ее просьбу о надлежащем проведении опознания с использованием надежных технических методов, поскольку это же тело предположительно было опознано ранее другим лицом; (b) хотя она неоднократно заявляла о готовности сделать это, государственные власти никогда не вызывали С. Доваджию для предоставления дополнительной информации об исчезновении ее мужа...; с) власти..., отвечающие за определение прав жертв на ежемесячные пенсии, в двух случаях пришли к выводу, что г-н Доваджия дезертировал из армии..., не представив доказательств на этот счет. Комитет отмечает, что в настоящее время требование Доваджии о ежемесячном пособии было отклонено на основании этого заключения, которое так и не было подтверждено. Напротив, Комитет отмечает, что этому выводу противоречат различные свидетельства, свидетельствующие о том, что г-н Доваджия был захвачен войсками Республики Сербской и исчез после этого.... Комитет считает, что эти обстоятельства, приводящие к повторной виктимизации, наряду с отсутствием информации о судьбе и местонахождении г-на Доваджии, представляют собой бесчеловечное и унижающее достоинство обращение в</p>
---	---	---

		<p>нарушение ст. 7, рассматриваемой отдельно и в сочетании со ст. 2(3) Пакта в отношении авторов.</p>
<p>Estela Deolinda Yrusta and Alejandra del Valle Yrusta v. Argentina, no. 778/2016, § 7.10, CAT 2015</p>	<p>Авторы утверждали, что их брат подвергался различным пыткам, находясь в заключении и насильственному исчезновению в период, когда был переведен из одного места содержания под стражей в другое. Впоследствии им сообщили, что он совершил самоубийство. Авторы утверждали, что из-за того, что они не смогли получить статус потерпевших в уголовном процессе по факту смерти брата, были нарушены их права в соответствии со ст. 14 Конвенции против пыток.</p>	<p>7.10 В отношении утверждений авторов, согласно которым они не имели возможности принять активное участие в силу непризнания их роли в качестве заявителей в расследовании смерти их брата, включая его насильственное исчезновение и факты пыток и других бесчеловечных и унижающих достоинство видов обращения, имевшие место согласно представленным утверждениям, Комитет напоминает, что в соответствии со ст. 14 Конвенции понятие «жертвы» подразумевает любое лицо, которое отдельно или совместно с другими пострадало от причиненного ему вреда, включая физические или психические травмы, эмоциональные страдания, экономический ущерб или существенное ущемление его основных прав в результате действий или бездействия, которые представляют собой нарушение положений Конвенции. Это понятие жертвы также включает близких родственников, каковыми являются сестры г-на Ирусты, авторы настоящей жалобы. Комитет отмечает, что государство-участник не представило аргументов, позволяющих прийти к выводу о том, что сестры г-на Ирусты не подпадают под эту категорию. Напротив, Комитет приходит к выводу о том, что тревога и беспокойство, вызванные у авторов в силу отсутствия информации, которая позволила бы выяснить судьбу их брата, усугубляются непризнанием на деле их статуса жертв, которое оборачивается фактором повторной виктимизации, несовместимой с принципами Конвенции. Комитет считает,</p>

		<p>что в данном случае сам факт более чем пятилетней задержки с предоставлением авторам разрешения участвовать в процессе расследования в качестве заявителей, сам по себе равнозначен нарушению статей 12, 13 и 14 (пункт 1) Конвенции. По истечении столь продолжительного срока возможность активно и эффективно участвовать в процессе значительно сокращается, причем настолько, что ущемление этого права является необратимым в нарушение права жертв на установление истины и получение возмещения.</p>
<p>Y v. United Republic of Tanzania, no. 23/2014, § 8.7, 31 August 2018, CRPD</p>	<p>Автор являлся лицом с альбинизмом. Ввиду того, что в 2008 г. в Танзании произошла эскалация в убийствах и насилии по отношению к лицам с альбинизмом, автор перестал посещать школу. В возрасте 11 лет он подвергся нападению, этот инцидент не был расследован. В возрасте 12 лет он вновь подвергся нападению, несколько пальцев его правой руки были отрублены мачете. Левая рука также была повреждена нападавшим. Этот инцидент не был адекватно расследован властями.</p> <p>Автор утверждал, что Танзания не предотвратила жестокое обращение с ним, хотя было известно о том, что лица с альбинизмом находятся в опасности в Республике Танзания, так как считается, что их части тела приносят благополучие и богатство. Он утверждал, что не было расследования нападений на него.</p>	<p>8.7 Что касается утверждений автора в соответствии со ст. 15 Конвенции, Комитет принимает к сведению его довод о том, что действия, жертвой которых он стал, приравниваются к пыткам, насилию и жестокому обращению, которые государство-участник не смогло эффективно расследовать и наказать. ... Комитет считает, что страдания, испытываемые автором из-за бездействия государства-участника по обеспечению эффективного судебного преследования подозреваемых в совершении преступления, становятся причиной повторной виктимизации и равносильны психологическим пыткам и/или жестокому обращению. По этим причинам Комитет считает, что в данном случае государство-участник нарушило ст. 15 Конвенции.</p>